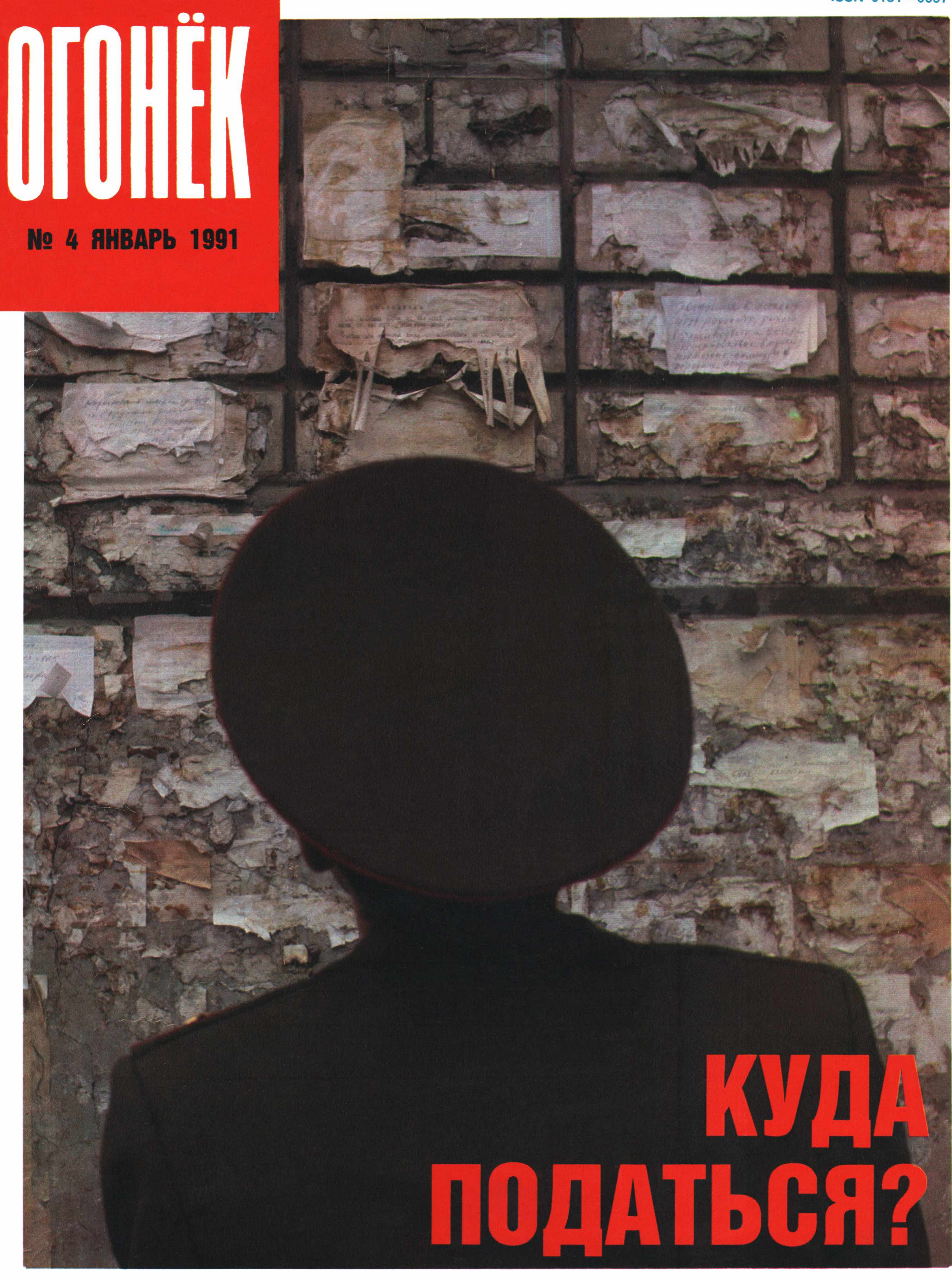
ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

№ 4 ЯНВАРЬ 1991

КУДА ПОДАТЬСЯ?

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года

УЧРЕДИТЕЛЬ — ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 4 (3314)

19—26 января

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Фото Владимира СУМОВСКОГО.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп.,
на полгода — 23 руб. 40 коп.,
на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 28.12.90. Подписано к печати 15.01.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 825 000 экз. Заказ № 33. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Фото специального корреспондента «Огонька» Марка ШТЕЙНБОКА

Траурные ленты на национальных флагах — своеобразные скорбные вехи жесткого и неблагодарного пути, по которому, оставляя след солдатского сапога, упрямо шагает наша державная диктатура. Опять политический диалог сбивается на разговор с помощью автоматных стволов и клацания танковых гусениц. Неужто жизнь никого ничему не научила и не учит? Мало нам позорной пражской весны, обагренных кровью улиц Баку и Тбилиси, мало нам насилия? Теперь вот Литва, трагедия гулкого от январских ветров, несчастного Вильнюса и атмосфера угрозы, нарастающая вокруг.

Какой смысл может быть вложен в философию этого зловещего парадокса, когда армия, исконное назначение которой — защита Отечества, воюет со своими соотечественниками? Кого убедит кошмарная аргументация министра обороны СССР, что штурм Вильнюсского телецентра был предпринят якобы «для защиты семей военнослужащих»? И можно ли даже силой оружия поставить на колени народ и свергнуть его законное, избранное демократическим путем руководство? Кто ответит на эти вопросы? Кто ответит за такие ответы?

А пока в Прибалтике, Москве, Ленинграде и многих других городах проходят митинги и манифестации протеста. Взбудоражена мировая общественность. Люди с тревогой ждут новых сообщений. Есть ли, наконец, свет надежды?

ОКЕАН НЕНАВИСТИ РАЗБУШЕВАЛСЯ

«ТЕПЕРЬ ПРОВЕРЯЕТСЯ ВСЕ...»

ХРОНИКА ТРЕХ ДНЕЙ ЭФИРА

Неделю назад у всех нас на многое раскрылись глаза.

В ряду прочего с особой яркостью проявилась разница между независимой журналистикой и «партийной». Да нет, не разница — противоположность.

Пятница, 11 января, 19.00. Первая независимая радиостанция в стране «Эхо Москвы» сообщает о действиях вторгшихся в Вильнюс войск, о первых жертвах, о крови... И с этого момента ни на миг не выпускает тему из поля своего зрения, отринув рамки своего прежнего вещания, прежних рубрик и многие собственные каноны прежнего, «мирного» времени.

Воскресенье, 13 января, 10.30. Радиостанция «Маяк» сообщает, что некий «комитет национального спасения» берет на себя всю полноту власти в Литве и что «переход власти произойдет быстро». И только ближе к одиннадцати «Маяк» впервые сообщил, что в Вильнюсе пролилась кровь... Через сорок часов.

В 16.50, за десять минут до, как было сообщено, истечения ультиматума, предъявленного парламенту Литвы командирами советских войск, Всесоюзное радио вещало нам о межплеменной розни в Сомали и транслировало репортаж из Бамако «Существуют ли призраки?». Корреспондент интересовался чем-то у предсказателя, общающегося с 16 призраками...

Я переключил приемник на 1-ю общесоюзную программу. И...

«— Видели ли вы миледи?

— О, сеньор, она мертва! Убита...

— А знаете ли, Рошфор...»

В этот момент «Эхо Москвы», сообщив по прямому проводу из Вильнюса, что двоих из убитых не могут опознать — так обезображены трупы,— в очередной раз передало москвичам просьбу литовского правительства приносить в постпредство республики медпрепараты, шприцы, операционные материалы, бинты, обезболивающие... Советские танкисты ничего такого в братскую республику не завезли.

17.00. Еще раз включаю «Маяк»: а вдруг? «После нескольких лет молчания заговорил вулкан «Авачинский»...» О чем?!

...В середине воскресного дня, возвращаясь с манифестации москвичей, я зашел на «Эхо Москвы». Молодые, усталые ребята...

— Вы будете работать беспрерывно?

— Если не расплавится пульт. Он уже раскалился.

Ниже публикуем написанный по нашей просьбе репортаж сотрудницы «Эха Москвы», или, как его называют в столице, радио «М».

А. ЩЕРБАКОВ

11 января.

Послерождественская неделя... Все последние дни больше всего даем в эфир культурной хроники, музыки. По лентам информационных агентств «отслеживаем» Персидский залив, но там до 15 января, похоже, затишье. На воскресенье будем готовить программу к Старому Новому году.

●

Днем звоню в редакцию по поводу каких-то рекламных клипов. Меня перебивают сразу: «В Литве танки!»

Сергей Корзун, наш главный редактор, заскочил на Пятницкую в «Интерфакс» — привез последние в прямом и переносном смысле новости. В Литву вводятся дополнительные воинские подразделения, «Интерфакс» из здания Гостелерадио выселяется. И то, и другое — под предлогом «имущественных претензий».

Последнее сообщение «Интерфакса» помечено 15 часами. Дальше, похоже, рассчитывать придется на себя.

19.00. Начинаем в обычное время с информации о Литве.

19.10. В студии гость, Влад Листьев из «Взгляда». Еще день назад он был бы гвоздем программы. Сейчас только напоминание: один возможный источник информации с Гостелерадио устранен.

Эгидюс Бичкаускас, постпред Литвы, обещает дать комментарий после выхода программы «Время».

●

Звоним по всем телефонам — в службу печати постпредства, в редакции газет в Вильнюсе. Слушаем, пока работает, литовское радио. Несколько раненых. О прицельной стрельбе не сообщается — значит, пострадали «случайно»? Неужели не ясно, что бронетехника даже просто пройти по узким улицам старого города не может, никого при этом не покалечив?

●

Программу сдвигаем и режем. Все же выходит в эфир приглашенный для «Бизнес-клуба» депутат Моссовета — разговор о снабжении, торговле, квартирах. Слушатели звонят, протестуют — не до того сейчас.

В коридоре у аппаратной немолодой ведущий сегодняшней «Беседы муз» глотает нитроглицерин.

●

В 21.00 даем музыкальные записи, а в редакции смотрим «Время». Комментарий небрежно-успокаивающий. С трудом дозваниваемся до постпредства, ждем Бичкаускаса. Слушателям объявляем о продлении эфира.

●

По телефону в прямом эфире выступает Галина Старовойтова — только что с заседания Верховного Совета.

22.10. Эгидюс Бичкаускас успевает к нам на эфир. Говорит сдержанно и строго. Знаменитая невозмутимость прибалтов? Но когда пожимаем ему, прощаясь, руку — пальцы ледяные.

●

Лазарь Шестаков отправляется в Вильнюс практически на авось: если доедет, будет своя информация напрямую.

Слушателям обещаем на следующий день выходить при необходимости в эфир в любое время.

●

12 января.

Утром хватаю газеты — относительно подробную информацию дают «Комсомолка» и «Известия» да еще, как узнаю позже, «Московский комсомолец». Накануне поздно вечером был видеорепортаж в ТСН. Все остальное — в жанре программы «Время».

●

День все же спокойнее вчерашнего. Экстренно выходить в эфир не пришлось. Делаем репортаж с митинга ОФТ в поддержку, естественно, Саддама Хусейна. Заседает Совет Федерации. Наш корреспондент молчит.

Даем в эфир заявление ВС РСФСР, запись выступления Ельцина.

Для «Беседы муз» утром успели записать отрывки из книги Юозаса Урбшиса «Литва в годы суровых испытаний. 1939—1940».

●

21.00. Программа «Время», Дмитрий Бирюков.

Литовское представительство звонит и «выражает сожаление» по поводу такого освещения событий Гостелерадио. Что ж, прибалты вежливы...

●

Информации от Шестакова пока нет.

●

Гарри Каспаров появился, когда мы уже не надеялись. Не отдышавшись, нырнул в аппаратную и полчаса прямого эфира выдержал в темпе блица. Потом выясняется, опоздал не по своей — по нашей вине: свою улицу мы назвали ему старомосковским, недавно возвращенным именем — Никольская... Заблудился, спросил милиционера — тот тоже не знает... Правда, признал постовой чемпиона мира по шахматам, связался с начальством по рации, а те с помощью справочника разобрались.

●

После сообщения о назначенном выводе с территории Литвы дополнительных подразделений десантников все немного успокаиваются. Кажется, завтра начнем в обычное время.

Еще один наш сотрудник собрался в Вильнюс, как-то достал билет. Спорим. Стоит ли ехать теперь? Паша Ильяшенко все же отправился на вокзал, мы — по домам.

●

Во втором часу ночи вновь ТСН с видеорепортажем. Поздновато для зрителей, но зато территория больше, а у нас лишь Москва и часть области...

●

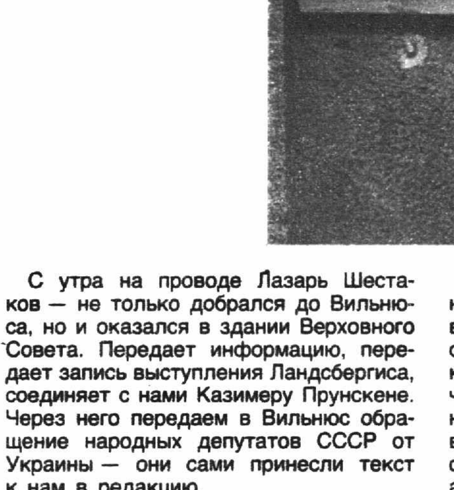
13 января.

Утром ТСН повторяется в записи. Газет нет и не будет — воскресный отдых почтальонов. Звоню в редакцию — как удар: «Приезжай немедленно, мы уже в эфире». По ЦТ поют и пляшут.

Хватаю такси, еду. Москва спокойна и полупуста. Где-то сейчас должна начаться демонстрация депутатов.

В Вильнюсе за ночь штурмом взято здание телецентра. Есть жертвы. Больше ста раненых.

Министр обороны СССР Д. Язов: начальник гарнизона в Вильнюсе принял решение в соответствии с «Уставом гарнизонной и караульной службы».

С утра на проводе Лазарь Шестаков — не только добрался до Вильнюса, но и оказался в здании Верховного Совета. Передает информацию, передает запись выступления Ландсбергиса, соединяет с нами Казимеру Прунскене. Через него передаем в Вильнюс обращение народных депутатов СССР от Украины — они сами принесли текст к нам в редакцию.

Объявился и Павел Ильяшенко, он не в парламенте, а снаружи и тоже докладывает обстановку.

Телефоны в студии не смолкают. Звоним мы, звонят нам. Приходят и выступают депутаты, журналисты, поэты. Помогают информацией «Независимая газета» и «Гласность» (С. Григорянца), сумел выйти на нас «Балтфакс».

Без всякого приглашения — на звук, на голос в эфире — приходят наши внештатные авторы и без всяких вопросов берутся за работу: кто к телефону, кто за машинку. Краем глаза замечаю, что информацию по телефону уже принимает для нас кто-то из только что выступивших депутатов. Презревший сессию студент журфака греет нам чай, а вахтерша где-то находит для гостя студии нитроглицерин — без него в эти дни не обходится.

●

Сменяю Сережу Бунтмана на ведении. Кладу руку на пульт и отдергиваю: перегрелась аппаратура. Выдержит?

Передаем призыв к москвичам от литовского Минздрава: помогите медикаментами. Через несколько часов узнаем — у постпредства толпа народа. На выступление приходит Святослав Федоров, бежим к нему со списком лекарств: «Уже знаю. Уже готовим к отправке автобус с бригадой медиков».

В прямом эфире политики, в прямом эфире слушатели. В прямом эфире мы.

Звонит Сергей Сергеевич Аверинцев: «Теперь проверяется все... Не будем обманываться. Беда пришла не только туда. Беда пришла к нам».

Таких звонков — десятки, здесь лишь формулировки, по-староинтеллигентски чеканны.

●

От пресс-службы Верховного Совета России узнаем, что в Прибалтику вылетел Ельцин.

●

Пришел москвич — не выступать, не с информацией. Принес нам огромный пакет бутербродов, попрощался и ушел.

●

Снова Бирюков в программе «Время». Там же министр внутренних дел СССР: «Кажется, около десяти убитых». Переданный нам из Литвы поименный список жертв приближается к пятнадцати.

На ЦТ одно за другим развеселые шоу.

●

22.50. Сообщают из Вильнюса: с военными достигнута договоренность, что ночь будет спокойной.

●

23.00. Последний информационный выпуск и последний звонок в прямом эфире — священник, отец Александр.

Дряхлая аппаратура, на которой мы боялись работать больше трех часов подряд, продержалась тринадцать, не расплавилась.

Время к полуночи. Смотрим в окно — за день весь город занесло снегом.

Завтра выйдем в эфир в семь утра.

Татьяна ПЕЛИПЕЙКО

Окончание на стр. 8.

СПАСИ И СОХРАНИ

Каждый приближающий нас к 15 января день приносил тревожные, нисколько не обнадеживающие вести.

Все политические инициативы обеих сторон закончились, в который раз, непримиримой констатацией определенных ранее точек зрения. Компромиссов не предвидится.

...Мы прилетели в Багдад 6 января в пугающем пустотой аэробусе «ИЛ-86», в котором, кроме нас, летели группа сотрудников Центрального телевидения из пяти человек и два гражданина Ирака. «Можете поиграть в футбол»,— улыбаясь, пошутила проводница. Багдад встретил нас густым молочным туманом, какого старожилы не видели уже лет десять. Видимости на расстоянии шести метров почти никакой. Сгустились сумерки, и дорога от аэропорта до города носила загадочный, немного неправдоподобный характер: вдоль автострады — смутные очертания гигантских пальм, расплывчато светящиеся дорожные знаки и огни впереди идущих машин. При въезде в город, несмотря на туман, в глаза бросилось обилие иллюминации, особенно в центре: узорные гирлянды огней, витрины еще работающих магазинов. Словом, вечерний Багдад из окна автомобиля никак не напоминал город, который на осадном положении. Как нам рассказали позже сотрудники советского посольства, нынешний Новый год в Багдаде был отмечен особенно пышно и весело, с небывалым обилием иллюминации и фейерверков.

ОКЕАН НЕНАВИСТИ РАЗБУШЕВАЛСЯ

9 января специальные корреспонденты «Огонька» Майра САЛЫКОВА и Алим МИРЗАЕВ последним самолетом Аэрофлота возвратились из столицы Ирака Багдада в Москву. Представляем вашему вниманию их репортаж.

Несмотря на демонстративное внешнее спокойствие города и людей, внутреннее напряжение момента ощущаешь сразу. Пустой, безлюдный аэропорт, внимательность, с которой наш водитель всю дорогу до гостиницы слушал по радио речь Саддама Хусейна, попадающиеся на глаза солдаты с «калашниковыми» через плечо... Да, в Багдаде пока спокойно, но каким хрупким кажется это спокойствие.

Советским людям, приезжающим в столицу Ирака, не надо переводить стрелки часов — в Багдаде московское время. А когда едешь по дневному городу, где через каждые 30—40 метров на тебя смотрят огромные портреты Саддама Хусейна, думаешь, что, пожалуй, можно перевести свои часы лет на десять назад, и все станет до боли узнаваемым и «почти родным»... Единодушие людей, которые, как постоянно объявляется, искренне поддерживают политику своего Президента, противостояние страны Западу и США, сильная армия, желание проводить свою политику любой ценой, защита своих экономических и политических интересов путем ввода войск в соседнее независимое государство... И при всем этом заложник-народ, удивительно доброжелательный, искренний, свято верящий в провозглашенные партией постулаты.

Господи, как это похоже на нас! И как это, кажется, было давно: портреты лидера на улицах столиц, демонстрации сотен тысяч против политики США, ввод войск в Афганистан во имя политических и каких-то там еще интересов. И мы, мы с вами, в глазах всего мира — народ с не вполне человеческим лицом...

Правда, есть и принципиальные отличия: у нас десять лет назад не было такого изобилия продуктов и товаров со всех концов света, такого большого количества машин всевозможных марок, какое можно увидеть сегодня в стране, находящейся в осадном положении. Все это как-то плохо вяжется с нашей действительностью: весь мир шлет нам продукты, а мы не видим их — в магазинах пусто, как будто третья мировая война уже прошла и эпицентр ее пришелся на наше Отечество...

Багдадские рынки потрясают. Свежее парное мясо, живая рыба в огромных чанах с водой, всевозможные фрукты, зелень, улыбающиеся лица торговцев, расхваливающих товар. Конечно, за время осады цены подскочили. Средняя зарплата иракца 150—200 динаров. Килограмм мяса в государственных магазинах стоит 4 динара, на рынке — 8 динаров, рыба и в госторговле, и на рынке — примерно 5 динаров, картофель — 1 динар, апельсины — 0,5 — 1 динар. Покупающих продукты на рынках много, торговля идет вплоть до глубоких сумерек, некоторые торговцы работают всю ночь.

Наше путешествие по городу переваливает за полночь, мы еще не ужинали и просим остановить машину у горящего огнями небольшого ресторанчика. Десять минут первого ночи, а в заведении довольно много посетителей, хозяин приглашает нас за стол, спрашивает: «Кебаб, шашлык?» Выбираем шашлык, который готовят при нас, на кухне, за сте-

клянной перегородкой. Буквально через несколько минут на столе оказываются металлический графин с водой, тарелка с зеленью, пресные ароматные горячие лепешки и шашлыки. Позже хозяин угощает от себя еще и кебабом. Спрашиваем у него: «Стало ли меньше посетителей со времени введения блокады?» «Нет,— улыбается он,— торговля идет как обычно». В ресторан постоянно заходят. Здесь можно не только перекусить, но и заказать еду навынос: надо сделать заказ и подождать несколько минут, пока ее приготовят и упакуют.

Сказать, что Багдад прекрасен,— это значит не сказать ничего. И днем, и ночью этот древний город поражает своей особенной, сказочной красотой. И замечательно то, что мы приехали сюда, когда напряжение, связанное с удержанием в стране иностранных заложников, спало. Все желающие получили возможность уехать домой. Но тем не менее иностранцев в Багдаде предостаточно. Сейчас это в основном журналисты.

В Министерстве информации и культуры, куда приезжали каждое утро, чтобы уточнить программу, мы постоянно встречались со своими коллегами: американцами, французами, финнами, индийцами, японцами. Любые съемки и сбор информации в Ираке сегодня можно вести только с разрешения министерства и в присутствии сопровождающего чиновника. В Багдаде и его окрестностях для журналистов в сборе информации нет ограничений. Но категорический отказ — на просьбу взять интервью у военных и посмотреть, как проводятся в городе в учреждениях и на предприятиях учения по гражданской обороне.

То, что эти учения велись каждый день, мы узнали от журналистов, сотрудников посольства. И, понятно, страна стоит у порога войны. Но надо отдать должное Министерству информации и культуры — слово «нет» мы слышали очень редко.

Утром 9-го мы успели попасть на открытие в Багдаде Международного мусульманского конгресса, куда съехались видные мусульманские деятели, священнослужители, представители общественных мусульманских организаций со всего света. У входа в здание, где проходил конгресс, все приглашенные участники и журналисты были подвергнуты досмотру. И те, и другие с пониманием отнеслись к этой не вполне приятной процедуре. Предполагалось, что на форуме будет Саддам Хусейн, но от правительства выступил министр обороны Ирака Садин Аббас.

Среди многочисленных участников конгресса мы тщетно пытались отыскать руководителей Духовных управлений мусульман СССР. И, хотя все они получили официальные приглашения, никто из уважаемых муфтиев в Багдад не пожаловал. Правда, потом мы все-таки встретили делегацию советских мусульман. Ее возглавил заместитель муфтия Духовного управления мусульман Закавказья муфтий Хаджисалман Мусаид. Он объяснил, что председатель правления муфтий Шейх Уль-Ислам не прибыл на конгресс по уважительной причине.

Представитель отдела по зарубежным связям Духовного управления мусульман Закавказья Хаджи Абдул Вади заметил, что, «пока не решится палестинская проблема, никакая проблема в регионе Персидского залива не будет разрешена. И, поскольку в авангарде решения палестинского вопроса выступает Ирак, его позиция должна быть поддержана». Руководитель общественной исламской организации «Тобэ» высказался более категорично. Он заявил, что, по его мнению, 100 000 мусульман Закавказья готовы принять участие в конфликте на стороне Саддама Хусейна и что половина населения Азербайджана поддерживает сегодня позицию Ирака. Три представителя общества «Тобэ», прибывшие на конгресс, готовы отдать свои жизни за установление истины и справедливости в возможной войне с американцами. Ну вот. И здесь мы разнообразны.

В посольство Ирака в Москве приходят заявления от «советских добровольцев, готовых выехать в Ирак». Это с одной стороны. С другой стороны, в Багдаде и Москве мы слышали, что Республика Молдова официально заявила о своем намерении послать воинский контингент в район Персидского залива для участия в возможной войне на стороне объединенных международных вооруженных сил.

Наши внутренние разногласия все трагичнее скатываются на уровень перестрелок. Вот, оказывается, и в международных делах находятся у нас люди, которые уже сегодня готовы стрелять друг в друга, отстаивая противоположные принципы.

Персидский залив — как это далеко и как это, оказывается, близко. Мы еще в Багдаде, где на улицах не видели ни одного танка или бронетранспортера, слушаем по радио, что в Прибалтику вводятся десантные войска. Страшно, что они введены: представляем, как медленно и уверенно военная техника идет по улицам Вильнюса. Мало нам было Будапешта и Праги... Как это далеко и как это близко. Как ненависть перехлестывает через рубежи, и творцы ее готовы видеть Балтику этаким отрогом Персидского залива...

Все настолько близко, что уже с трудом улавливаешь, почему наши с вами соотечественники, которых толкают друг против друга в стране, готовы убивать друг друга и где-то далеко от границ своей Родины, ради чего молодые парни в десантной форме вмешиваются в дела суверенной республики, и совсем не хочется выслушивать объяснения, почему в государстве Ирак наряду со всем остальным, согласно резолюции ООН, запрещен ввоз медикаментов и питания для больных детей...

По широко объявленным данным Министерства информации Ирака, в стране за время блокады от недостатка медикаментов и детского питания скончалось несколько сот детей. Нас предупреждали, что эта информация — всего лишь пропаганда для иностранных журналистов. И мы не собираемся ничего оспаривать. В нашей собственной стране давно не хватает медикаментов и питания для детей, хотя СССР не в блокаде. Мы не призываем и нашу, без того нищую страну помочь Ираку медикаментами. Но когда гибнут дети, а политические барабанщики объясняют это некими высокими резонами, то понимаешь: это страшно. Везде страшно: в Ираке, Литве, Армении и Азербайджане...

В детском госпитале имени Саддама Хусейна нам показывают детей, которых нечем лечить. Даже если это и политический спектакль, о котором нас предупреждали, все равно ужасно видеть детей без надежды — от совсем малышей в барокамерах до подростков. Пост сестер милосердия находится прямо посреди комнаты. В глазах матерей, дежурящих у кроватей, безысходность и полное равнодушие к многочисленным журналистам, что-то спрашивающим, фотографирующим, снимающим. Они смотрят куда-то сквозь тебя, сквозь мир, сквозь время — и уже не ждут ответа.

Мы улетаем последним самолетом Аэрофлота с 82 советскими специалистами. Мы могли задержаться, но на вопрос, могут ли нам гарантировать переезд в Иорданию к 15 января, где нами уже заказаны 2 места на самолет Амман — Москва, сопровождающий Валид пожимает плечами: «Кто сегодня может дать гарантию? Мы сделаем все, но если завтра начнется война, меня призовут в армию. А границу с Иорданией могут закрыть в любой момент». (Ее перекрыли в тот момент, когда мы уже были в воздухе.) Улетаем, надеясь, что войны не будет. Надеясь почти без надежды...

Мы уже не питаем иллюзий. Мы уповаем на здравый смысл. Мы говорим на разных языках: спаси и сохрани...

Журнал «Огонек» благодарит Министерство гражданской авиации СССР за содействие нашим корреспондентам в выполнении задания редакции.

КАКУЮ ЖЕ ВЛАСТЬ СОЗДАЛ СЪЕЗД?

Попробуем разобраться в этом, ограничиваясь для большей конкретности одним, центральным, вопросом повестки дня четвертого Съезда народных депутатов СССР — реформой институтов власти.

Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА.

Виктор ДАНИЛЕНКО, доктор юридических наук

УСПЕХИ И ПАРАДОКСЫ РЕФОРМЫ

Ее сильные стороны очевидны. К этому позитиву необходимо прежде всего отнести меры по укреплению исполнительной власти. Года два назад мы могли еще позволить себе роскошь теоретизировать по поводу того, какая государственная власть лучше — сильная или слабая? При этом альтернатива зачастую рассматривалась примитивизированно: сильная — значит, непременно авторитарная, демократическая — значит, слабая. Между тем демократическая вовсе не обязательно означает слабая. В итоге сама жизнь поставила перед нами тот же вопрос, но уже в другом ракурсе: каким образом быстро и эффективно сделать государственную власть сильной? Не случайно этой проблеме оказалась посвященной добрая половина доклада Президента на Съезде о положении в стране: без сильной власти дальше ни в политике, ни в экономике не сделать ни шагу!

Произошла серьезная структурная перестройка механизма исполнительной власти. Изменены конституционные функции Президента: отныне он будет непосредственно руководить правительством, преобразованным в Кабинет министров. Появилась новая политическая фигура — вице-президент, который по замыслу должен являться правой рукой Президента, помогая ему в решении государственных дел. Вместо Президентского совета создан иной орган с иными функциями — Совет безопасности. Существенно реформирован Совет Федерации...

Иначе говоря, Съезд исправил основной недостаток мартовской реформы 1990 года, когда был создан пост Президента с правом принятия важных государственных решений, но без какого-либо механизма их реализации. Стоило ли удивляться бездейственности президентских указов?..

Одновременно пересмотрены и расширены некоторые функции Верховного Совета СССР. При нем, в частности, создана Контрольная палата СССР, призванная контролировать исполнение государственного бюджета, обновлен его состав. Обсуждена общая концепция нового Союзного договора, порядок его дальнейшей проработки и заключения. Принят Закон о референдуме. Внесены коррективы в конституционные нормы, регламентирующие порядок деятельности местных Советов, судов, прокуратуры и др.

Однако, как только от вопроса «Что сделано?» перейти к вопросу «Как сделано?», ситуация приобретает иную окраску: возражения возникают едва ли не автоматически. Потому что с точки зрения здравой конституционной логики содеянное трудно объяснить.

Прежде всего в итоге преобразований мы получили одновременно и вице-президента, и премьер-министра. Такого мир еще не знал! Истоки понятны: совмещаются институты американского и французского вариантов президентства. Непонятен замысел. Это тот редкий случай, когда с миру по нитке — кафтана не сошьешь. Ведь одно исключает другое. Если Президент, как нам объяснили, отныне непосредственно возглавляет исполнительную власть, берет на себя всю полноту политической ответственности за ее действия, то тогда зачем премьер-министр?

Двусмысленность сложившейся ситуации невольно подталкивает к мысли, что Президент лукавит, перестраховывается, создает фигуру, которая могла бы оттягивать на себя возможное недовольство непопулярными или неграмотными действиями Кабинета. Для этого, правда, за премьер-министром придется зарезервировать известную долю политической ответственности. Но в таком случае вся задуманная «президентская» структура сразу разваливается. Слова расходятся с делами. За официально декларируемой начинает просматриваться совсем иная схема власти (какой-то новый аналог доперестроечных вариантов «политики с двойным дном», с теневыми пружинами), о которой нам сегодня ничего не говорят.

Далее, едва ли не полная загадка — пост вице-президента. Каковы его функции? Только выполнять по поручению Президента «отдельные его полномочия» и при необходимости его замещать? Но этого крайне недостаточно для такого уровня политической (!) фигуры. Тут невольно вспоминаешь, что в США вице-президент по должности возглавляет верхнюю палату американского конгресса — сенат, то есть является в известной мере связующим звеном между законодательной и исполнительной властью. А у нас?

Был замысел сделать вице-президента ответственным за деятельность Высшей государственной инспекции, призванной обеспечивать и контролировать реализацию президентских решений. Но тогда вновь вопрос: зачем подобный орган в условиях, когда Президент получает в свое распоряжение весь мощный механизм исполнительной власти? Или он собирается предпринимать какие-то акции в обход этого механизма? Или — что уже совсем нелепо — инспекция будет контролировать деятельность непосредственно возглавляемого Президентом Кабинета министров? Концы с концами никак не сходятся!

Говоря о вице-президенте, нельзя обойти вопрос о процедуре его выборов на четвертом Съезде народных депутатов. Эта процедура оставила грустное впечатление. Прежде всего безальтернативностью выборов. С официально-юридической точки зрения Президента здесь вроде бы нельзя ни в чем упрекнуть: ни одной правовой нормы он не нарушил. Но ведь есть не только правовые нормы. Раз уж официально делается одно очень серьезное исключение (вице-президента избирают не прямым всенародным голосованием), то можно было бы сделать и другое, менее значимое,— рекомендовать депутатам хотя бы двух кандидатов. При минимальном риске морально-политический выигрыш Президента был бы огромен. Ведь сколько наговорено о новом мышлении, демократии, альтернативности выборов!..

Нельзя не сказать и о повторности голосования. Настойчивость и твердость — прекрасные качества серьезного политика. Но не менее важна и гибкость. Она у Президента есть, и отсутствие ее в данном случае невольно подталкивает к вопросу: неужели сегодня настолько сузился круг лиц, на которых Президент может положиться, которым может доверять? Если это так, то либо подспудно происходит серьезная перегруппировка сил, либо оценка возможностей и перспектив перестроечного процесса, видимо, может потребовать корректировки.

Следующий не менее серьезный вопрос: какую форму правления мы отны-

не имеем? На Съезде был дан ответ — президентскую. С таким ответом согласиться никак нельзя. Президентской формы правления, по существу, не получилось. Ведь при ней Президент сам формирует свой Кабинет и при необходимости меняет его состав. Входят в Кабинет только люди «его команды», то есть это орган обязательно однопартийный, что само по себе исключает возможность серьезных внутренних политических трений. Парламент может оказывать воздействие на Кабинет, но ни при каких обстоятельствах не может его досрочно сместить. В этом-то и заключается основной конституционный «секрет» силы и стабильности исполнительной власти при президентской форме правления — не в объеме ее полномочий, а в ее правовой защищенности от перипетий межпартийной политической борьбы.

У нас же, согласно новой редакции ст. 130 Конституции, Кабинет министров подотчетен как Президенту, так и парламенту и соответственно может быть парламентом досрочно смещен. А это ведущий компонент совершенно другой формы правления — парламентской. Последняя строится и функционирует на совершенно иных конституционных установках и, главное, может быть практически эффективна только при двух непременных условиях: ограниченном числе по-настоящему крупных и влиятельных политических партий и жесткой партийной дисциплине. В конкретных условиях сегодняшнего дня парламентское правление у нас неизбежно вылилось бы в хронический правительственный кризис. Потому что, стремясь избежать такой ситуации, мы повернули к президентскому правлению, но сделали лишь полшага, фактически оказавшись между двух стульев, создав (как уже стало чуть ли не традицией) гибридный, промежуточный вариант.

Такой вариант эффективно функционировать не в состоянии: он внутренне нелогичен, противоречив, чрезвычайно сложен с точки зрения конституционной техники. Можно, конечно, сослаться на пример Франции — единственной страны в мире, имеющей нечто подобное. Но ведь мы и его умудрились «усовершенствовать», введя пост вице-президента.

Однако и это еще не все. Необходимо учитывать, что отныне мы создали новый Кабинет министров, в работе которого с правом решающего голоса (!) могут участвовать главы правительств республик. Не союзных республик, как было в проекте, а всех, автономных в том числе,— так решил Съезд. Мотивы решения понятны: надо искать пути урегулирования межнациональных отношений. А если взглянуть на итог с точки зрения конституционного права? Налицо очевидное дублирование Совета Федерации, и, главное, состав Кабинета министров раздувается, он практически теряет возможность оперативных и эффективных действий — важнейшего качества исполнительной власти. Эффективно действующий Кабинет, если учитывать общечеловеческий опыт,— это немногим более двух десятков людей. У нас же только представителей республик в Кабинете намечается около четырех десятков...

Другими словами, и состав, и статус Кабинета министров еще необходимо дорабатывать. При этом особое внимание потребуется уделить разведению компетенции Кабинета министров и Совета Федерации. В связи с Советом Федерации, кстати говоря, возникает еще один немаловажный конституционный вопрос. В его работе, согласно ст. 127 [10] Конституции, может участвовать Председатель Верховного Совета СССР. Но ведь Совет Федерации — звено исполнительной власти (возглавляет его сам Президент), а Председатель Верховного Совета СССР олицетворяет власть законодательную. Как же в таком случае быть с концепцией разделения властей, приверженность которой мы декларировали? Выходит, политическая целесообразность вновь оказывается важнее краеугольных конституционных принципов.

Немало вопросов возникает в связи со структурой и функционированием верховного представительного органа власти. Первое, на чем споткнулся Съезд,— ротация. На этот раз Съезду крупно повезло: принудительной ротации подлежало лишь семь человек. Но какая напряженная полемика возникла по поводу этой семерки! Тут проявилось все: и формализм в подходе к ротации, стремление «свести счеты», и закулисные махинации, и личные амбиции... А если бы пришлось, как и положено, обсуждать кандидатуры свыше ста человек, то есть 20% членов Верховного Совета СССР? Работа Съезда была бы блокирована.

Вывод один — механизм ротации как минимум требует серьезного совершенствования. Однако еще лучше ее просто упразднить, обновляя Верховный Совет СССР на Съездах по мере необходимости на основе личных пожеланий депутатов. Такой путь позволит легче и быстрее добиться требуемого профессионализма парламентской работы.

Председателем Верховного Совета СССР М. С. Горбачев пробыл чуть более 9 месяцев, Президентом СССР без своего президентского Кабинета министров — примерно столько же. Как долго он сможет оставаться Президентом без нормальной президентской формы правления, покажет время. Но одно очевидно: в самой реформе таится необходимость последующих перетрясок и перекроек.

ПРИЧИНЫ ПАРАДОКСОВ

Нарастает ощущение, что у руководства явно нет четкой связной концепции политического развития. Подобная концепция в политической сфере столь же необходима, как и в экономической. Простого провозглашения курса на демократизацию недостаточно. Необходима развернутая институционная схема реализации этой общей установки. Причем опять же не в общих чертах (альтернативность выборов, полновластие парламента, сильная президентская власть, многопартийность и т. д.), а с конкретной проработкой того, посредством каких конституционных средств это возможно обеспечить. Такую концепцию, кстати, неплохо бы обсудить в парламенте. Тогда, наверное, не было бы шараханий и импровизаций, диктуемых изменением политической конъюнктуры.

Заметно дают себя знать все еще сохраняющаяся идеологическая зашоренность, связанность априорными догматическими постулатами. Трудно, к примеру, понять, что такое «президентская республика советского типа». Как это вновь испеченное понятие отражается на механизме взаимосвязи между законодательной и исполнительной властью? Что привносит нового в веками отработанные схемы? Или что такое «социалистическая законность»? Чем она с точки зрения правовых понятий, юридической техники отличается от законности в странах Запада? Еще один пример: как понимать введенный в оборот термин «социалистическое правовое государство»? Ведь тут с чисто юридической точки зрения возможны только два варианта: либо государство, все его органы и институты связаны нормами права — и тогда мы можем говорить о правовом государстве; или не связаны — и тогда никакое прибавление очередного «изма» правовым данное государство не сделает.

Особого упоминания заслуживает отношение к закону. Формально сегодня декларируется приверженность концепции правового государства (наиболее ретивые теоретики даже ставят задачу его «совершенствования»). Между тем нынешняя ситуация в стране ничего общего с правовой не имеет, скорее даже, напротив, должна характеризоваться как антиправовая. Закон постоянно нарушается, причем на всех уровнях. Даже Верховный Совет СССР уже не раз позволял себе действовать вопреки конституционной норме. О местных органах власти, об откровенной «войне законов» между центром и республиками и говорить не приходится. Причина все та же — соображения политической целесообразности.

Конкретный пример: правительство у нас может запросто своим решением «подкорректировать» принятый парламентом закон (скажем, о кооперативах), а министр юстиции (!), выступая в печати, будет доказывать, что это вполне соответствует и принципам законности, и нормам демократии. А что у нас делается с Конституцией! Каждые полгода она перекраивается, но, и перекроенная, все равно нарушается. В цивилизованном обществе с обычным-то законом так не поступают, не говоря уже про Основной. Страна переживает настоящие конституционные конвульсии. И это, между прочим, подрывает в Конституции основное — возможность быть стабилизирующим фактором общественного развития. Подобным путем правового государства не построишь.

ПУТИ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА

При всей сложности ситуации она все же не безнадежна. Выход есть.

Во-первых, необходимо принять временную Конституцию переходного периода. Такой период будет длительным — теперь это очевидно. «Переждать» его со старой Конституцией не удастся.

Во-вторых, требуется наконец четко определить, какую форму правления — парламентскую или президентскую — мы хотели бы иметь и, исходя из этой ясно сформулированной цели, реформировать институты власти.

В-третьих, необходимо создать сильную исполнительную власть — основу основ любого государства, ту власть, которая, собственно, и обеспечивает его основные функции. Кстати, о функциях. Традиционно марксистская трактовка государства как обязательно классового института, как инструмента принуждения и насилия, видимо, также нуждается в корректировке. Ведь государство, его институты во многих странах Запада доказали свою эффективность и как инструмент согласования противоречивых общественных интересов, как организующая сила, проявляющая заботу о различных категориях населения. Данный аспект деятельности государства, очевидно, приобретает особое значение для нашего общества на современном этапе.

В-четвертых, требует реформы сама законодательная власть. Кто сегодня, например, возьмется определить, что такое наш парламент? Это Съезд народных депутатов? Верховный Совет СССР? То и другое, вместе взятое? Если оба органа, вместе взятые, тогда придется признать, что в течение всего года страной управляет какой-то полуили квазипарламент. Но ведь обидно же: сколько слов сказано о полновластии народа, о представительном правлении!.. Если же парламентом признать только Верховный Совет СССР — что является наиболее верной трактовкой,— тогда возникает вопрос: а зачем вообще нужен Съезд?

На определенном, переходном, этапе — от полного бесправия допрестроечного Верховного Совета СССР к полному восстановлению его прав — как инструмент противодействия мощному сопротивлению командно-номенклатурной системы Съезд, видимо, был необходим. Но сегодня, когда Верховный Совет СССР уже достаточно прочно встал на ноги, набрался опыта, профессионализма, завоевал немалый авторитет, в том числе и на международной арене, целесообразность сохранения Съезда становится все более проблематичной. Громоздкий, неповоротливый, совершенно не приспособленный к законодательной и контрольной деятельности, он явно служит дисбалансом конституционной структуры.

В-пятых, многое предстоит сделать для перевода общественно-политической и государственной жизни на рельсы нормальной демократической многопартийности. Конечно, этот процесс можно пустить на самотек (что фактически и делается): юридический запрет на свободу партийной деятельности снят, а дальше новые политические силы пускай сами пробиваются. Непременно пробьются. Но на это уйдут годы. Годы переходного периода к демократии. Не слишком ли большая роскошь для страны, столько десятилетий прожившей в условиях диктатуры? Не лучше ли помочь этому процессу?

Соответствующая помощь должна быть оказана прежде всего со стороны государства. Для этого, в частности, необходимо принять специальный закон о политических партиях (законами об общественных организациях партийная деятельность регламентировалась в странах Запада в XIX веке). Необходимо помочь становлению сильных партийных групп в парламенте — само по себе это сразу же дисциплинирует парламент, существенно повысит эффективность всех процедур. Необходимо изменить избирательное законодательство, интегрировав в него партии, «привязав» к партиям все стадии избирательной кампании,— это будет содействовать демократизации выборов. В целях обеспечения «равенства шансов» необходимо продумать механизм государственного финансирования партийной деятельности, на первых этапах хотя бы косвенного. И, конечно, необходимо запретить коммерциализацию деятельности партий, ведь в условиях даже развитых рыночных отношений такого нигде не допускается.

Помощь в становлении многопартийности должна быть оказана и со стороны КПСС как важной властной структуры нашего общества. По зрелому размышлению такая помощь, как и само сотрудничество с новыми партиями,— в интересах КПСС. Иначе консолидировать здоровые силы общества нельзя и, следовательно, нельзя решить ни одной из декларируемых задач перестройки.

В-шестых, следует радикально перестроить систему местных органов власти. Опять же тут не надо изобретать велосипед. Все необходимые установки в цивилизованном мире уже давно отработаны. Надо только ими грамотно воспользоваться. На местах не может быть органов государственной власти. Тут могут быть только муниципалитеты, то есть выбираемые местным населением органы, задача которых — решать местные хозяйственные проблемы. И только. Политикой они заниматься не должны (в ряде стран это даже юридически запрещается). А вот соблюдение закона для них обязательно. Что же касается такой острейшей для нас сегодня проблемы, как взаимоотношения между представительными (выборными) и исполнительными звеньями муниципалитетов, то и тут не стоит ломиться в открытую дверь. Разделения властей на местах быть не может: это конституционный инструмент демократии на общенациональном уровне. На местах демократия, напротив, требует единства власти.

В-седьмых, необходимы глубокие преобразования всей судебной системы как важнейшего инструмента защиты прав человека, в том числе от злоупотреблений со стороны государственной власти.

В сочетании с серьезным кадровым обновлением, повышением общего уровня юридической культуры в стране все сказанное могло бы вывести наши государственно-правовые институты на качественно новый уровень. Главное при этом — создать сильные институты демократии, при которых государственная власть, оставаясь твердой и эффективной, не могла бы ограничивать потенциал саморазвития гражданского общества.

Начало на 2-й стр. обложки.

По просьбе многих читателей «Огонька» приводим некоторые выступления и телефонные звонки, прозвучавшие в прямом эфире «Эха Москвы».

Митинги солидарности с литовским народом в Москве и Риге. Январь 1991 года.

Партия, долгие годы объявлявшая себя авангардом трудового человечества, благословила убийства трудящихся в Литве.

На своем собрании парторганизация КПСС в журнале «Огонек» приняла решение о самороспуске. Считаем нужным довести это до сведения наших читателей.

СЕРГЕЙ АВЕРИНЦЕВ:

— Новости из Литвы говорят об одном: пришла беда. Уже пришла. Та самая беда, которой мы ждали, одновременно веря и не веря мрачным шуткам журналистов.

Теперь проверяется все. Чего стоит наша всемирная чуткость и отзывчивость, о которой говорила наша литература прошлого века. Чего стоит наше покаяние. Наше осуждение прежних дел — танков в Будапеште и Праге, войск в Афганистане. Чего стоит наше новообретенное свободолюбие и гражданское достоинство. Чего стоят вообще все слова, например, такие: «политическое решение». Не приобретают ли слова противоположный смысл?..

Чтобы испытывать скорбь при мысли о людях Вильнюса, не обязательно быть ни демократом, ни гуманистом; достаточно быть человеком. Но в моих ушах сегодня неотступно звучат евангельские слова: «Плачьте о себе и о детях ваших». Не будем обманываться: беда пришла не только туда. Беда пришла к нам. Доброму имени моего народа, нашего народа еще раз наносится ущерб. Очень боюсь, что случившееся непоправимо.

ЛЕОН БУЙКО,
польский журналист:

— ...Я вижу по поведению вашего правительства, что оно совершенно буквально, шаг за шагом, повторяет ошибки польского коммунистического правительства. Я думаю, что вы пройдете тот же самый путь по-другому, конечно, так как у вас совершенно иной масштаб...

...Я был ошарашен тем, что повторяются не только ситуации, но и слова: та пропаганда, которая за последние два месяца велась против Прибалтики, напоминает коммунистическую пропаганду 1981 года, направленную против «Солидарности»... Империя, которая перешла в наступление в Литве, угрожала и Польше... Я могу посоветовать вам только одно — не падайте духом!

КАЗИЕНАС РИНГОЛДАС,
по телефону из Вильнюса:

— Русские матери и отцы!.. Я, Казиенас Ринголдас, вместе со своими сыновьями Аудрюсом, двадцати двух лет, и Мартиносом, семнадцати лет, поклялся не щадя живота своего защищать Литву. Мы все находимся в здании Верховного Совета Литвы. Авантюристическое руководство вместе с местными коллаборантами, не имеющими национальности, сегодня ночью (неразборчиво)... занять оплот суверенитета Литвы — здание Верховного Совета.

Может быть, скоро нас не станет. Защищаясь, мне придется убивать ваших детей. Понимаю вашу боль. Простите. Но я их буду убивать не на Красной площади или в здании Моссовета. Я их буду убивать в здании нашего парламента. Я их буду убивать, чтобы они не убили моих детей, наших женщин, девушек, моих друзей. Поймите и простите...

Я обращаюсь ко всем офицерам Советской Армии, до полковника включительно. Среди вас у меня много друзей. И я надеюсь, что вас нет среди палачей в Литве. Напоминаю: меня зовут Казиенас Ринголдас Леонидович. Опомнитесь. Я хорошо знаю нищенское положение большинства из вас. Против кого вы воюете? И чьи интересы вы защищаете? Вы убиваете народ Литвы, а защищаете кучку номенклатурщиков и сволочей из генштаба. Не сомневаюсь, они не поделятся с вами своими богатствами и привилегиями. Все, что вы получите,— это будут сребреники Иуды, которые вам даже отоварить будет негде. Опомнитесь! Не вы ли мне рассказывали о семейственности, роскоши и чванстве в высших военных кругах? Запомните: сегодняшняя ваша победа обернется страшным позором. Запомните: наше продолжение — наши дети. И все богатство, которое мы оставляем,— наше доброе имя.

ЖЕНЩИНА (не представилась):

— Я хочу сказать: мне стыдно, что я русская! То, что происходит в Литве,— это хуже, чем Гитлер!

АНДРЕЙ МЕЛЬНИКОВ:

— Мне звонили литовцы. Просили передать: не надо стыдиться, что вы русские. Литовцы не обвиняют русский народ в агрессии. Они очень благодарны русским за поддержку...

ЖЕНЩИНА (не представилась):

— Скажите, что мы должны делать? Что мы можем сделать для Литвы прямо сейчас?..

ВЕДУЩИЙ:

— Мы постараемся связаться с Литовским постпредством...

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА ЛАШИНА:

— Я обращаюсь к соотечественникам, сохранившим остатки гражданского достоинства и совести. Вы спрашиваете, что можно сделать в защиту Отечества. Как ни странно, самую активную поддержку могут оказать рядовые члены КПСС. Именно вашим именем, именем рядовых коммунистов, будут прикрываться все эти кровавые преступления. И поэтому я обращаюсь к вам: положите завтра ваши партбилеты. Пора действовать, а не бояться, пора преодолевать свой страх. Вы ведь ничем не рискуете, ни привилегиями, ни подачками. Тем более в наше время. Это шанс приобрести самоуважение и сделать шаг к гражданскому достоинству от рабского самосознания.

МАРИЯ ЧЕПАЙТИТЕ:

— Я литовка... мать троих детей... Я живу в Москве. Я прошу всех москвичей — верующих и неверующих — хоть как-нибудь молиться Деве Марии... чтобы с Литвой ничего не случилось. Спасибо.

Рисунок Алексея МЕРИНОВА

Я ЗНАЛ НАЗУБОК МОЕ ВРЕМЯ

Он всегда был очень неосторожным человеком.

В 60-е годы два-три восьмиклассника придумали «Клуб новой свободы», и Саша Сопровский расклеивал рукописные воззвания на фонарных столбах. В 70-е штудировал в районной библиотеке Ленина, оставляя карандашные пометки на полях, за что держал ответ перед органами госбезопасности. А спустя десять лет его очень смешная ода на взятие американскими войсками Сент-Джорджеса была прочитана кем-то на завтраке в Белом доме. Кстати, неточно процитированное фельетонистом «Советской культуры», это стихотворение было и остается одной из немногочисленных публикации Сопровского на родине.

Можно диву даваться, как его земля носила. При всем этом он не был ни подслеповатым от одержимости борцом, ни чудаком не от мира сего. Было, правда, одно чудачество: реликтовое по нашим временам чувство собственного достоинства. Пожизненная пытка унижением в жэках, конторах, редакциях была ему невыносима. «Бесчестие страшнее смерти»,— отшучивался он, обходя их за версту. Поэт, умница, книгочей, весельчак и бессребреник, он талантливо трудился и талантливо бездельничал.

Очень трудно не обижать слабых, не уважать силу как силу, и только, сохранять бодрость духа и, более того, умудряться быть счастливым. Все это Сопровский умел.

Александр Сопровский оставил после себя стихи, философские, литературоведческие и критические статьи... 37 лет было ему, когда в ночь с 22-го на 23-е декабря 1990 года его жизнь оборвалась.

Друзья будут помнить Сопровского. Но есть и надежда на драгоценную посмертную дружбу людей незнакомых. Право на нее он заслужил талантом и трудом.

С. ГАНДЛЕВСКИЙ

Александр СОПРОВСКИЙ

* * *

На Крещенье выдан нам был февраль
Баснословный: ветреный, ледяной —
И мело с утра, затмевая даль
Непроглядной сумеречной пеленой.

А встряхнуться вдруг — да накрыть на стол,
А не сыщешь повода — что за труд:
Нынче дворник Виктор так чисто мел,
Как уже нечасто у нас метут.

Так давай не будем судить о том,
Чего сами толком не разберем,
А нальем и выпьем за этот дом
Оттого, что нам неприютно в нем.

Киркегор не прав. У него поэт
Гонит бесов силою бесовской —
И других забот у поэта нет,
Как послушно следовать за судьбой.

Да хотя расклад такой и знаком,
Но поэту стоит раскрыть окно —
И стакана звон, и судьбы закон,
И метели мгла для него — одно.

И когда, обиженный, как Иов,
Он заводит шарманку своих речей —
Это горше меди колоколов,
Обвинительных актов погорячей.

И в метели зримо: сколь век ни лих,
Как ни тщится бесов поднять на щит —
Вот Господь рассеет советы их,
По земле без счета их расточит.

А кому — ни зги в ледяной пыли,
Кому речи горькие — чересчур...
Так давайте выпьем за соль земли,
За высоколобый ее прищур.

И стоит в ушах бесприютный шум,
Даже в ласковом, так сказать, плену...
Я прибавлю: выпьем за женский ум,
За его открытость и глубину.

И, дневных забот обрывая нить,
Пошатнешься, двинешься, поплывешь...
А за круг друзей мы не станем пить,
Потому что круг наш и так хорош.

В сновиденье лапы раскинет ель,
Воцарится месяц над головой,
И со скрипом — по снегу — сквозь метель
Понесутся сани на волчий вой.

* * *

Е. И.

Что есть душа? Не спрашивай. Пойдем
Замерзшими холмистыми лугами,
Где в густо-синем воздухе ночном
Между белесоватыми клоками
То тут, то там морозная звезда
Проглянет из бездонного провала,
Не освещая тропки никогда.
Верх-низ и лево-право растеряла
Захватывающая кривизна.
Снег голубеет, небо отражая.
Шаг в сторону — во мгле растворена,
Грядой холмов петляет даль ночная.

Не спрашивай. Но есть одни глаза,
Где пляшет темень, и круги цветные
Расходятся, и различить нельзя
Ни зги вокруг. И есть глаза другие.
В них отсвет ленинградского катка,
Где свалена еще с блокады мебель.
Азарт подростка. Юного кружка
Опасное товарищество. Небыль
Угарных лет. Семейного угла
Заботливо поставленная крепость.
И зернышко бесхозного тепла
На дне зрачка нечаянно пригрелось.
Когда одни в другие поглядят
Невидяще, темно, морозно, снежно —
Уже дохнет Москва, и это ад,
А это — мы, и встреча неизбежна,
И недоговоренные слова
Не пропадут. Так вот: какая сила
В один пейзаж соединила два —
И две чужих судьбы к нему прибила?
Не спрашивай. И без того хрупка
Проснувшаяся чуткость — и напрасно
Искать ей объяснения, пока
И без того внутри светло и ясно.

* * *

Я знал назубок мое время,
Во мне его хищная кровь —
И солнце, светя, но не грея,
К закату склоняется вновь.
Пролеты обшарпанных лестниц.
Тревоги лихой наговор.
Ноябрь. Обессненный месяц,
Зимы просквоженный притвор.
Порывистый месяц осенний
Заладит насвистывать нам
Мелодию всех отступлений
По верескам и ковылям.

Наш век — лишь ошибка, случайность.
За что ж мне путем воровским
Подброшена в сердце причастность
Родство ненадежное с ним?
Он белые зенки таращит —
И в этой ноябрьской Москве
Пускай меня волоком тащат
По заиндевелой траве,
Пускай меня выдернут с корнем
Из почвы, в которой увяз,
И буду не злым и не гордым,
А разве что любящим вас.

И веки предательским жженьем
Затеплит морозная тьма,
И светлым головокруженьем
Сведет на прощанье с ума,
И в сумрачном воздухе алом
Сорвется душа наугад
За птичьим гортанным сигналом,
Не зная дороги назад.
И, стало быть, понял я плохо
Чужой до последнего дня
Язык, на котором эпоха
Так рьяно учила меня.

* * *

На краю лефортовского провала
И вблизи таможен моей отчизны
Я ни в чем не раскаиваюсь нимало,
Повторил бы пройденное, случись мне,
Лишь бы речка времени намывала
Золотой песок бестолковой жизни.

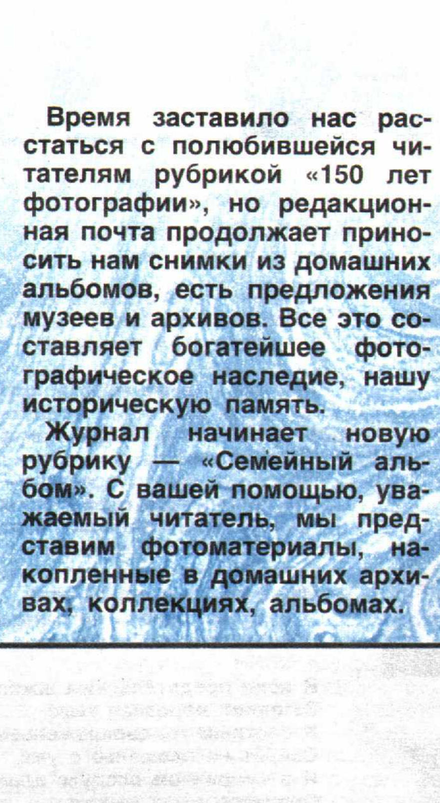
* * *

Я из земли, где все иначе,
Где всякий занят не собой,
Но вместе все верны задаче —
Разделаться с родной землей.
И город мой — его порядки,
Народ, дома, листва, дожди —
Так отпечатан на сетчатке,
Будто наколот на груди.

Чужой по языку и с виду,
Когда-нибудь, Бог даст, я сам,
Ловя гортанью воздух, выйду
Другим навстречу площадям.
Тогда вспорхнет, как будто птица,
Как бы над жертвенником дым,
Надежда жить и объясниться
По чести с племенем чужим.

Но я боюсь за строчки эти,
За каждый выдох или стих.
Само текущее столетье
На вес оценивает их.
А мне судьба всегда грозила,
Что дом построен на песке,
Где все, что нажито и мило,
Уже висит на волоске.

И в пору сбыться тайной боли,
Сердцебиениям и снам —
Но никогда Господней воли
Размаха не измерить нам.
И только свет Его заката
Предгрозового вдалеке,
И сладко так — и страшновато
Забыться сном в Его руке.

Семейный альбом

Время заставило нас расстаться с полюбившейся читателям рубрикой «150 лет фотографии», но редакционная почта продолжает приносить нам снимки из домашних альбомов, есть предложения музеев и архивов. Все это составляет богатейшее фотографическое наследие, нашу историческую память.

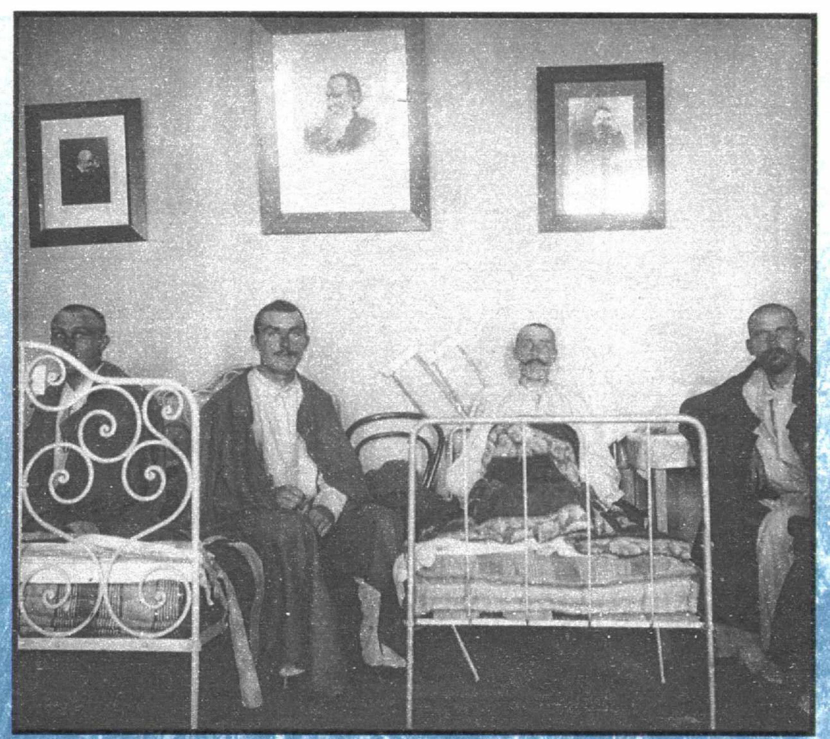
Журнал начинает новую рубрику — «Семейный альбом». С вашей помощью, уважаемый читатель, мы представим фотоматериалы, накопленные в домашних архивах, коллекциях, альбомах.

Ведет рубрику Владимир ПОТРЕСОВ.

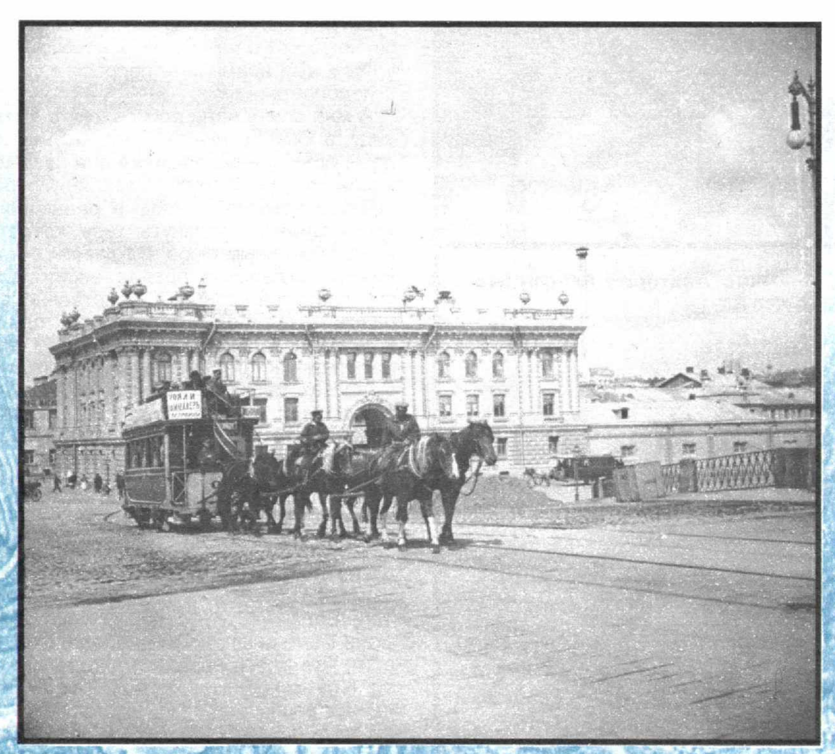
Первая публикация — из семейного архива выдающегося русского инженера, почетного академика Владимира Григорьевича Шухова. Сегодня Шухов почти забыт, знаем его лишь как автора Шаболовской радиобашни и оригинальной конструкции перекрытия платформ Киевского вокзала в Москве. Известный в свое время инженер, строитель, ученый и исследователь, Шухов был еще и страстным, удачливым фотографом. В его семье хранятся сотни стеклянных негативов и диапозитивов. Мы впервые публикуем его снимки, подобранные Асей Михайловной Шуховой и Владимиром Шуховым.

МЯСНАЯ
ПЕТРОВА

Борис СМИРНОВ

Ну вот и снова журналисты провинились: очень много пишем в газетах и журналах (теперь, по нынешней чиновничьей моде, надо бы выразиться «красивше» — в средствах массовой информации) о приходящих из-за рубежа посылках! Слишком уж захвалили, мол, иностранных благодетелей! Даже со съездовской трибуны по этому поводу прозвучало неудовольствие... Кто же возражает — и в похвалах, конечно, надо знать чувство меры. Вот только не могу, как ни стараюсь, припомнить случая из прежней, «доперестроечной» журналистской практики, когда кто-то не то чтобы с высокой трибуны, а даже в разговорах с глазу на глаз упрекнул бы прессу, выражаясь тем же кабинетным слогом, в «чрезмерно эмоциональной оценке наших новых успехов на путях дальнейшего улучшения...» — и так далее. Впрочем, извините, забыл уже правила игры: это «их», буржуйские успехи хвалить нельзя, а наши-то можно, пожалуйста!

Ну, что же, тогда не грех и похвастаться своими достижениями в вопросе освоения, то есть усваивания помощи посредством... Тьфу, тьфу, чур меня от этого корявого языка! Хочу просто сказать, что наша система смогла себя показать хоть в чем-то достойно: добрые люди в разных странах захотели нам помочь, и у нас, против обыкновения, пока не особенно им мешают. Смогли же ведь, забыв о своей пресловутой сверхбдительности, закрыть глаза на визы и штампы, почти настежь открыть таможенные границы для поездов, грузовиков, самолетов и пароходов с иностранными посылочками! Смогли буквально в считанные часы организовать для этих грузов конвои, группы сопровождения и все такое необходимое, чтобы не растащили эти посылочки прямо с колес... По Москве уже легенды ходят: раскрывает старушка дверь, а перед ней два автоматчика с большой коробкой всякого съестного добра — распишитесь! Я сам слышал, как генерал милиции успокаивал священнослужителя: не надо волноваться, если вашему приюту адресовано продовольствие, к вам оно и попадет, сообщите только, когда этот грузовик будет на границе в Бресте — мы обеспечим охрану и сопроводим до самых ворот... Ну почему же не сказать доброго слова о милиции, о специальных группах КГБ, которые эти, согласитесь, оригинальные функции исполняют четко и деловито? На брифинге в российском МВД прозвучали слова, от которых все журналисты как-то недоверчиво замерли, и заместителю начальника службы общественной безопасности А. Н. Куликову пришлось даже повторить: не пропала ни одна из упаковок грузов благотворительной помощи! Правда, генерал-майор тут же уточнил: нет пропаж при транспортировке, за которую отвечает вместе с КГБ его служба. И еще добавил: пока нет пропаж...

Это не такое уж простое дело — обеспечить сохранность подарков, особенно в наших условиях. Надо думать, до сих пор на московском Рижском рынке продаются куртки типа «Аляска» времен спитакского землетрясения — эти подарки, похоже, так и не долетели до Армении.

Много чего не дождались чернобыльцы — факт общеизвестный. Неужели наконец с этим мерзейшим явлением покончено?

— Представляете,— говорит А. Н. Куликов,— садятся ночью в Шереметьеве два больших самолета. Тысячи посылок, адрес один: «Германия — СССР». Куда, кому доставлять? А с границы сообщение: подошел очередной караван грузовиков, адрес такой же. Кроме охраны, надо обеспечить стоянки по трассе, заправку машин...

Сочувствуя, для себя я все-таки решаю: хорошо, что генералы вникают в такие тонкости. Лучше, конечно, располагать хотя бы лейтенантами, которым такие проблемы были бы по плечу, но что поделаешь, если у нас любой «незапланированный» за полгода до своего приезда иностранец становится «ЧП столичного масштаба». Интересно, на каком «уровне» — генеральском или лейтенантском — решались все проблемы с этими посылками в той же Германии? В момент собрать, рассортировать, погрузить, составить скрупулезные описи... В нашей «Неделе» опубликована памятка — что уложено в фирменный продовольственный пакет: точный перечень, пятнадцать наименований, все в граммах, калориях. Увы, немцы знают, с кем имеют дело, и подумали о том, чтобы у нас труднее было все разворовать.

Все равно воруют...

Не во время, слава Богу, транспортировки. И, кажется, не у немцев: у них с грузами почти всегда сопровождающие, чаще всего журналисты. Беда начинается там, где за распределение посылок берутся специальные комиссии, созданные по президентскому Указу. В них, разумеется, тоже генералы — штатские, конечно. Нет-нет, никто не обвиняет ни всех вместе, ни каждую комиссию в отдельности — нам, журналистам, просто не дают факты. Проскочило сообщение, что «засыпалось» на воровстве из посылок (не целиком, а по частям, чтобы не заметили) руководство районного Общества Красного Креста в Москве — о, позор-то какой, на весь мир! Говорят, что-то подобное было и во Владимире... Следите за газетами! Кому-то из репортеров повезло: видел, как австрийцы на московской улице прямо с машин раздавали людям пакеты с апельсинами. Звонят старушки — жалуются, что в «их» пакетах кто-то покопался...

ПРИГОДИТСЯ ВОДЫ НАПИТЬСЯ...

Опять предчувствую упреки: вот, дорвались эти журналисты до «жареного», им только грязь подавай, чтобы чернить свою страну! А ведь уже надоело оправдываться, риторически вопрошать: кто же чернит (не словами, а делами), кто ворует по-черному не то что ящичками, а целыми составами и складами, кто поднимает истеричный крик о неприкосновенности «стратегических запасов», в то время как коварный бундесвер (чувствуете удар со стороны НАТО?) отдает нам 280 тысяч тонн продовольствия из своих резервов? Конечно, распустившаяся пресса во всем виновата — молчали бы, и никто не узнал бы не то что о позоре, но и вообще, что у нас... ну... временные перебои в связи с недопоставками...

А мне опять надо собираться в больницу, в Сокольники, к маме. Возьму из дома ложку, нож, дощечку для резания хлеба, термос с чаем. Стеклянную баночку с крышкой, чтобы в редакционной столовой запихнуть туда котлету с картофельным пюре. На дверях больничного отделения, правда, висит строгое предупреждение — родственникам разрешается больных кормить только в исключительных случаях! — но все родственники без исключения приходят сюда вот так же, с вилками и ножами в кошелках, и так было все восемь лет, что я сюда хожу. Кстати, я пробовал узнать у старшей сестры: может, сюда, к этим выстриженным «под ноль» старушкам в застиранных, драных халатах, тоже пришла иностранная помощь?

— Что вы, мы и не ждем, нам никогда не достается ничего такого!

— ???

— Больница-то у нас психиатрическая! Сами знаете, какая слава. Считается, что здесь невинных людей мучают. Кто нам будет помогать? Так уж нас газеты расписали!

Опять пресса во всем виновата... Пожалуй, помолчу, не буду дальше распространяться на эту тему. Мама-то ведь одна.

Фото Анатолия БОЧИНИНА.

КАК-НИБУДЬ ПЕРЕЗИМУЕМ. А ДАЛЬШЕ?..

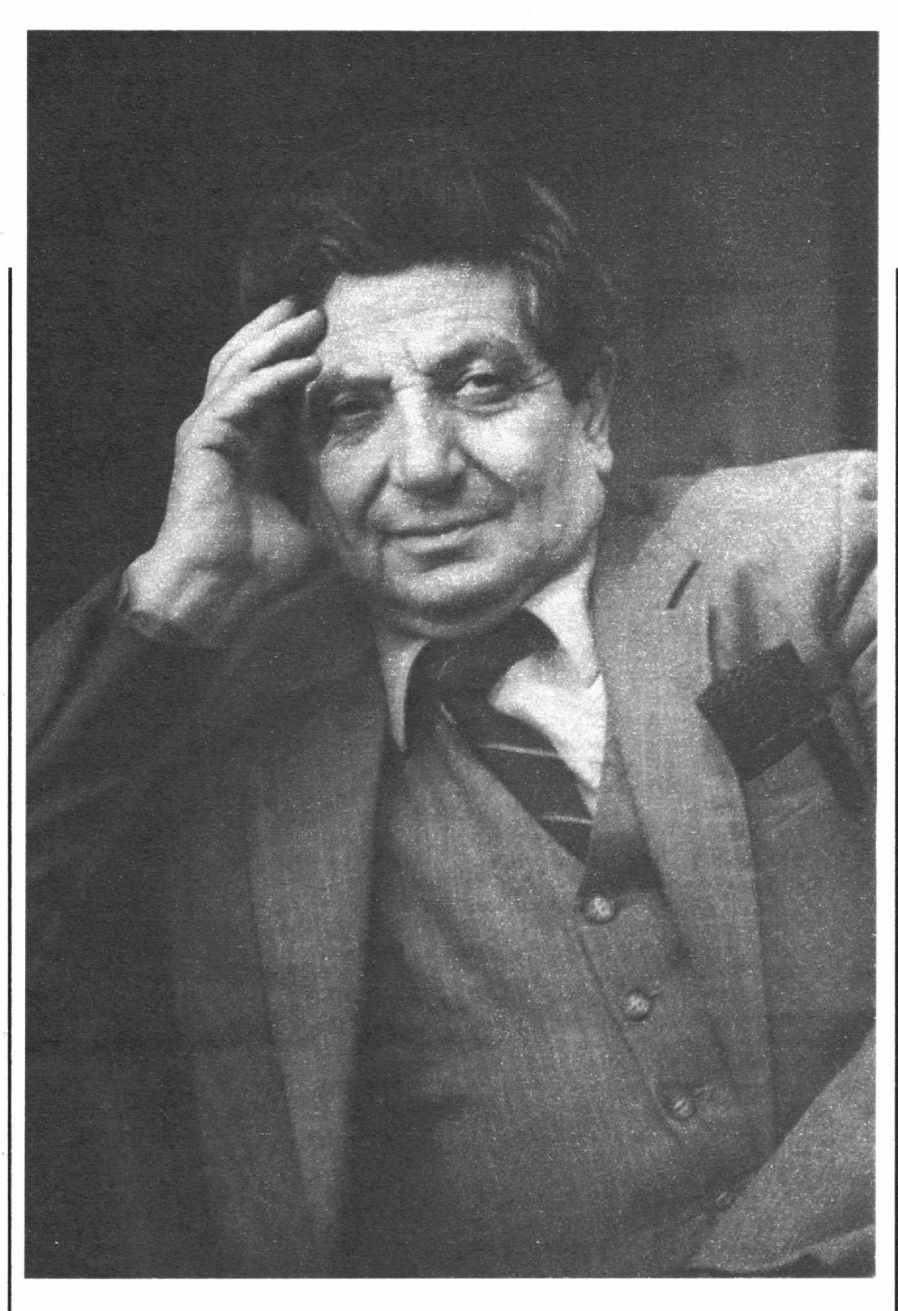

Фото Владимира БОГДАНОВА

Александр Львович ЯНОВ окончил исторический факультет МГУ, защитил диссертацию по русской истории. Его работа «История политической оппозиции в России» вызвала недовольство властей. В 1974 году Янов эмигрировал в США. Ныне — профессор политических наук Нью-Йоркского университета. С ним беседует корреспондент «Огонька» Ася КОЛОДИЖНЕР.

— Александр Львович, вы политолог, много лет изучаете политическую динамику русской истории. Удавалось ли вам предугадать ход событий в нашей стране? Могли ли вы предполагать в 1974 году, что возможна радикальная политическая реформа в СССР?

— Я анализировал советский период в ретроспективе русской истории и считаю, что сущность русской истории состоит в борьбе реформы против контрреформы, России против России. В 1974 году я думал, что реформа начнется здесь через десять лет. В апреле 1985 года, выступая в одном из американских университетов, я говорил о радикальной политической реформе в России, мне не поверили... Большинство американских советологов считало СССР тоталитарным государством, в котором невозможны никакие политические изменения.

— Считаете ли вы кризис обязательным спутником всякой радикальной реформы, революции?

— Революция и реформа — это противоположные понятия. Революция сметает старую элиту и приводит новую. Реформа в отличие от революции предполагает длительный период сосуществования старой и новой элит. Конечно, старая элита будет ставить палки в колеса, и в стране неизбежен кризис. Сложность реформы в том, что от нее ждут революционного действия. Это естественное стремление людей, не имеющих политического опыта. Но если эта реформа превратится в революцию, то это будет контрреформа с непредсказуемыми последствиями...

— Как же нам преодолеть кризис? В чем вы видите выход?

— Необходимо, чтобы выход из кризиса происходил в три этапа. Первый этап — краткосрочная стратегия выживания.

— В чем заключается эта стратегия?

— Нужно собрать примерно 25 миллиардов долларов. Есть 15 миллиардов — остатки брежневского нефтяного бума в швейцарском банке на счету Советского Союза. Это на черный день, но он уже наступил. Я не говорю, что их нужно потратить, но под них можно одолжить. Есть еще 10—12 миллиардов — так называемые стратегические резервы, на случай длительной войны. Директор «Планэком», самой авторитетной в Америке организации, занимающейся этими вопросами, сказал, что здесь есть стратегические резервы, никому не принадлежащие. Когда-то они были на балансе Министерства обороны. Тогда готовились к третьей мировой войне, и все зарывали драгоценные металлы. Есть на 5 миллиардов долларов советской собственности за рубежом: земля, дома, посольства. Один дом на 67-й улице в Нью-Йорке, где миссия ООН, стоит полмиллиарда долларов. Нет необходимости продавать все это, но можно заложить, одолжить необходимую сумму.

Мы можем найти таким образом 30 миллиардов долларов на полтора-два года и поднять за полгода до среднеевропейского уровня стандарты жизни. Тогда правительство получит поддержку, необходимую для перехода к рынку. И Запад будет воспринимать вас как серьезных партнеров. Это несерьезное партнерство — когда вы начинаете с того, что идете с протянутой рукой.

— Но ведь придется отдавать, а наш промышленный потенциал...

— Россия имеет высочайшего качества промышленность, нигде в мире такого нет. Это военная промышленность. Ее надо перестроить на создание тончайшей современной технологии. Поставить глобальную задачу — вывести страну на передовые рубежи в мире. Если думать о перспективе за пределами 2000 года, начинать надо сейчас. Глупо разбазаривать такой гигантский потенциал.

Конечно, нужна конверсия, но не та, о которой говорят сейчас.

— Когда вместо ракет делают кастрюли, стиральные машины?

— Да, получаются невероятно дорогие стиральные машины и плохого качества. На предприятиях военно-промышленного комплекса собраны лучшие научные и рабочие кадры, талантливые ученые. Они ни в чем не испытывали недостатка, они говорили: «Нам надо» — и получали самое лучшее. У них есть представители на каждом заводе, отбирающие продукцию высокого качества. Пусть они останутся привилегированной областью, пусть сохранят свои кадры. Но работают не на войну, а на мир. СССР — это зона экологического бедствия. Только ваша военная промышленность сможет создать экологически чистые технологии. Терять этот комплекс нельзя. И российское, и союзное правительства под конверсией понимают переход на производство потребительских товаров. Превратить тяжелую промышленность в легкую — нелепая задача. Правильное использование, перепрофилирование военно-промышленного комплекса

позволят вывести страну в перспективе на ведущие роли в мировой политике и мировой экономике.

— Ну, это за «пределами 2000-го»... Если мы в ближайшее время не решим свои экономические проблемы, нас, вероятно, ждут тяжелые времена, и военно-промышленный комплекс может оказаться в другой роли...

— Да, в такой ситуации народ может захотеть порядка любой ценой. Единственный способ заставить людей стремиться к «сильному государству» — довести страну до такого беспорядка, когда «порядок» покажется мечтой. Это надо предотвратить, иначе не избежать катастрофы... Сегодня власть в стране теряет авторитет, и в этом корень кризиса. Указы издаются, никто их не исполняет, от такой власти разбегаются республики. «Власть» по-английски имеет два различных значения: одно — это сила, другое — авторитет, они друг без друга не существуют. Правительство не может силой заменить отсутствие авторитета.

— Как власть может восстановить утраченное доверие?

— Надо накормить людей, обеспечить товарами. При этом придется исключить всю торговую сеть. У вас транспортные заторы, все раскрадывают, припрятывают, ждут, когда цены вырастут. Нужно отдать все здоровому ядру кооперативов, в лучшей своей части — это деловая элита страны, честная элита. Есть колоссальные военно-транспортные средства. Их нужно поставить на службу мирному делу. Создать специальные гражданские комитеты по всей стране.

Вашу торговую сеть невозможно исправить. Эти люди коррумпированы до мозга костей, с ними ничего невозможно сделать.

Возможно, продавать товары нужно прямо с грузовиков, на которых их доставляют. Ночью охранять грузовики, чтобы не грабили.

Есть еще ресурсы, о которых говорит Артем Тарасов,— вторичное сырье.

Есть устаревшие танки, которые не могут уже служить в качестве вооружения, но они сделаны из первосортного металла, их можно продавать как металл. Разумеется, все это не заменит реформу, но это ее защитит. За два года это даст возможность перейти к рынку. Пусть переход осуществляется при сочувствии народа. Я говорю сейчас только о краткосрочном этапе, о том, как перейти к рынку, не спровоцировав «генерала». Потом наступает среднесрочный период, и вот тогда становится действительно страшно. Настоящий политический кризис впереди. Когда возникнет рынок, в стране будет усугубляться социальное неравенство. В России с ее артельной, общинной культурой это станет причиной тяжелейших переживаний для людей. Вот тогда ОФТ может получить огромное число сторонников.

— Тогда, вероятно, победит тот, кто будет говорить о социальной защищенности... Обилия товаров будет недостаточно?

— На среднесрочном этапе нужна будет совершенно иная стратегия. Страна продает сейчас в огромных количествах золото, сбивая цены на мировом рынке. Вы не хотите продавать вторичное сырье и продаете золото! Специалисты утверждают, что если бы СССР на год воздержался от его продажи, то цены могли бы подняться на 35—40 процентов. А если бы на два — удвоиться. Вот тогда Союзу имело бы смысл выходить на рынок. Ваше правительство продает золото по низким ценам, чтобы поддержать свой сиюминутный авторитет. Предприниматель никогда не поступит подобным образом.

— Вы говорите, что рациональное перепрофилирование и использование военно-промышленного комплекса сделают нас лидерами после 2000 года. Допустим, два года мы сможем прожить под прикрытием «товарного щита» — тех 30 миллиардов долларов, о которых вы говорили. Но ведь остается еще восемь лет... А наша промышленность хромает на обе ноги.

— Стране предстоит четвертая индустриализация. (В других странах эта болезненная процедура совершалась один раз.) Каждый раз это была жесточайшая контрреформа. Первая индустриализация — при Петре I. Тогда Россия одним скачком оказалась впереди Европы всей. Вторая — при Александре III, последняя — при Сталине. При первых трех страну ограбили, для того чтобы индустриализировать. Четвертая должна стать последней, и совершить ее предстоит в условиях перехода к демократии, в условиях реформы. Для того чтобы облегчить тяготы этого периода, стране понадобится спонсор.

— Снова брать кредиты? Просить валюту?

— Не просить! Тогда нужно будет обращаться к интересам, искать среди могущественных локомотивов современного мира — подобных США после второй мировой войны. Может быть, это Япония. Конечно, если удастся решить вопрос о Северных территориях. Это важнейший вопрос, в котором едины все политические партии Японии. В Техасе на совещании «Семерки» японцы наложили вето на проект помощи Союзу, предложенный президентом Бушем. Причина — Северные территории. Это национальный комплекс японского народа. Они не заключат мирный договор ни на каких других условиях. Сейчас Япония — богатейшая страна, и СССР так же, если не больше, нужен Японии, как и Япония — СССР. Японцы на 90 процентов зависят от ближневосточной нефти. Почему же не демонополизировать Ближний Восток? Сибирь даже сейчас, в условиях упадка, больше производит нефти, чем Саудовская Аравия. Из скважин берут 20 процентов, для рационального использования месторождений необходимы западная технология, капиталовложения, нужен менеджмент. Сейчас американцы из-за того, что возросли цены, возвращаются к старым скважинам. В свое время они тоже взяли 20 процентов, но они руководствуются рынком: когда нефть стоила дешево, выгоднее было покупать. Советские скважины используются нерационально из-за отсутствия высоких технологий. На японском рынке должна быть конкуренция между Ближним Востоком и Советским Союзом. Сотрудничество с Японией на среднесрочном этапе поможет преодолеть политический кризис.

— Третий период вы связываете только с трансформацией военно-промышленного комплекса?

— Это период, когда мир вступит в постиндустриальный технотронный век. И цениться будут идеи, а не умение по 20 часов работать. Россия — это страна интеллектуально баснословно богатая.

Здесь масса талантливых людей, но весь этот гигантский потенциал напереrонки стремится отсюда убежать. Важно, чтобы у нас не только можно было выжить, но и нормально существовать. Идеи стоят деньги, за идеи нужно платить.

Здесь люди привыкли думать, общаясь. **Там** этого не бывает. Человек на Западе может безбедно прожить, имея одну идею в жизни. А эта страна настолько богата идеями, что они в ней ничего не стоят. Они почти никогда не воплощаются в жизнь. Профессор Леонтьев говорил мне: «В Японию я ездил 46 раз. Я приезжаю и предлагаю какую-нибудь идею, через несколько месяцев они, все выполнив, спрашивают, что им делать дальше».

В Москву он приехал и предложил бесплатно внедрить в СССР технологию переработки изношенных шин, а сырье и покрышки бесплатно доставлять из Америки. Там невыгодно этим заниматься, так как новые покрышки настолько дешевы, что никто не будет покупать восстановленные. Горы отработанных шин — бедствие США, их нельзя сжигать — это экологически небезопасно, но восстановление — экологически чистое производство. Американцам оно невыгодно, но у вас нехватка этого товара, а вам его предлагают бесплатно. Но дальше разговоров дело не пошло. Поэтому профессор Леонтьев говорит, что не любит ездить в вашу страну. Он не может помочь тем, кто этого не хочет.

— Вы считаете, что Япония захочет нам помогать?

— Так делается в XX веке. Американцы вложили огромные деньги в восстановление Германии и Японии. Они воссоздали их. Рисковали, выиграли. Первое время в Японии было еще хуже, чем здесь. Парламент был неработоспособен. Никто не верил, что из Японии когда-нибудь выйдет толк, я имею в виду демократизацию.

— Материальная помощь способствовала установлению демократии?

— Не только. Раньше были постоянные конфликты между либеральными демократами и социалистами. Либеральные демократы считали, что социалисты — это агенты коммунистов, а те считали демократов агентами американского империализма. Если вы друг друга считаете агентами, то вы соответственно друг к другу относитесь. В парламенте были настоящие драки, а поскольку оккупационные власти не имели права входить на территорию парламента и их разнимать, то они дрались до полного истощения. Прошло время, прежде чем они договорились. Сейчас в Союзе тоже никак не могут договориться. Мне странно слышать, что тот или этот был коммунистом. Люди почему-то не верят, что можно искренне пересмотреть свои убеждения. Врагами могут быть и коммунисты. Настоящая линия фронта проходит между теми, кто хочет демократических преобразований, и изоляционистами. Они могут быть социалистическими изоляционистами и утверждать, что «не могут поступиться принципами», пусть все рушится. И патриотическими изоляционистами, рассуждающими о самобытности и недопустимости европеизации. Начинается с философских рассуждений, как у славянофилов, а потом переходит в область политики.

— Александр Львович, вы противник имперского национализма. За что некоторые считают вас русофобом. Русскую историю вы изучаете почти сорок лет. На Западе о вас пишут как об «ученом замечательной интеллектуальной оригинальности». Отрицаете ли вы национальные особенности в нашем государственном устройстве, особый, отличный от Запада путь России?

— Западному пути противостоит не самобытность, как утверждает «Наш современник», а изоляционизм.

Еще Николай Бердяев писал: «То, что воспринимается как «европеизация» России, совсем не означает денационализации России». Испанцы, французы, немцы совсем непохожи друг на друга. Единственное, что их объединяет,— это демократия. У них есть источник самодвижения. Вот это и есть европейское, вот это и есть западничество. Демократия не может уничтожить ничьей самобытности. Именно когда началось национально-освободительное движение против британской короны, за океаном восторжествовали идеи Шарля де Монтескье. Замечательный философ и писатель считал в середине XVIII века, что Европа идет к деспотизму. Тогда он написал свой «Дух законов».

Шарль де Монтескье утверждал, что государство по самой своей природе не может быть добрым и справедливым. Оно всегда стремится вас поработить. Проблема заключается в том, чтобы вытащить у него когти. Для этого необходимо разделить власть. Чтобы законодательная воевала с исполнительной, судебная — с законодательной...

Получается неэффективное, медленное, слабое государство. Но только такое государство и может быть демократическим. Государство — это зло — вот главная идея западничества. Изоляционисты, какими бы идеями они ни прикрывались, всегда за сильное, хорошее, правильное, справедливое государство. А его просто не бывает.

— Сильное, правильное, справедливое демократическое не бывает. Но бывает сильное военное. Изоляционисты мечтают о генерале?

— Да, им нужна именно такая власть. На марксистских изоляционистов надежда пока плохая, они непопулярны. Не признают частной собственности, против передачи земли. Так что генерал пойдет к националистам. Они его и «узаконят». Они дадут землю крестьянам. Они сделают то, что не решается сделать Горбачев. И их будут слушать, потому что за ними генерал, которого страшно ослушаться. Потом «малый народ» обвинят уже не только в революции, но и в перестройке. Вот он, самобытный путь, и никакого западничества.

— Это возможно?

— Очень возможно. Если дети будут мерзнуть, если свет отключат...

— Правительство, Президента тоже не пощадят?

— Горбачева обвинят в том, что он умиротворял «малый народ», для него делал перестройку. Да ведь и уже обвиняют...

— Неужели люди захотят порядка такой ценой?

— Самое главное орудие — это крик о порядке. Когда в Нью-Йорке случилась авария на ТЭЦ, город был разграблен. Представьте себе, что будет здесь...

— Ваш прогноз не утешает!

— Мы недавно встречались со Шмелевым, он говорит, что инстинкт подсказывает ему: мы перезимуем. С ним согласен Станкевич. Может быть, инстинкт не самое лучшее в этом случае, но все-таки это аккумуляция опыта. Мой опыт подсказывает то же самое. Поскольку все эти инстинкты совпадают, давайте допустим, что эту зиму мы переживем.

С Союзом происходит, собственно, следующее: совершается запоздалая попытка великой имперской державы прорваться к политической модернизации. Россия уже делала 13 таких попыток за 500 лет. Все они оканчивались трагически. Последняя была между 1905 и 1917 годами. Вначале были баррикады, стрельба, террор. Потом пришел 1907 год и наступила нормализация. Людям казалось, что все худшее позади. Но это была фальшивая нормализация. После 1907-го шел 1917-й, и вот этого никто не ожидал. Точно так же было в Германии. В 1919 году провозгласили Веймарскую республику, и до 1923 года она мучилась в корчах. Развалилась финансовая система — еще хуже, чем здесь. А потом 1923 год: фашистский путч в Мюнхене и коммунистический путч в Гамбурге. 1923 год был низшей точкой. А потом все кончилось. Подавили эти путчи. Все появилось, провели финансовую реформу. Казалось бы, преодолели, но самое страшное было впереди — 1933 год.

— То же ждет и нас?

— Проблемы такого рода, по моему мнению, не имеют решений на внутренней политической арене. Только помощь мирового цивилизованного сообщества могла бы радикально изменить ситуацию. Запад должен почувствовать себя тылом сражающейся армии реформаторов. Только тогда радикальная политическая реформа в России станет необратимой.

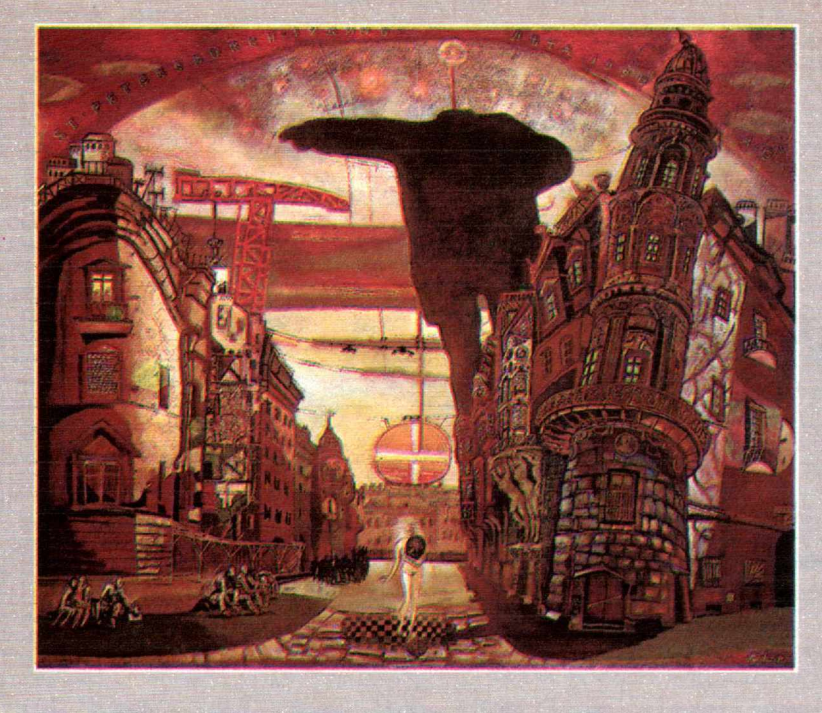
ЛЕНИНГРАДСКАЯ «АННА»

Наталья
ТРОЕПОЛЬСКАЯ

Господа, что мы ломимся в открытую дверь? Доказываем, что торговать искусством можно и нужно цивилизованно. Даже в наших условиях. И есть немало предприимчивых людей, в этом деле преуспевших.

С идеей все понятно. Поговорим конкретно. Ведь за последние года два в стране возникло несколько десятков разнообразных галерей. Некоторые из них уже прочно стоят на ногах, но, разбросанные по улицам Москвы, Ленинграда, Киева и т. д., пока еще плохо ведомы широкому зрителю. А жаль. Ведь у нас так мало осталось возможностей выбора. Еще недавно можно было задуматься, какой сыр выбрать — рокфор или швейцарский, скажем, а вот с искусством приходилось сдаваться на милость монополиста — Союза художников или Министерства культуры. Теперь все забавно перевернулось. Сыра нет — хватаем просто «еду», зато с искусством стало веселее. Хотите концептуалистов? Пожалуйста. Вам ближе традиционный реализм? Нет проблем. Если вы, конечно, живете в Москве, Ленинграде, Киеве и т. д. Ну, а если нет — мы постараемся рассказать о лучших галереях. И начнем с Ленинграда.

Александр ГУРЕВИЧ.
ПОРТРЕТ
А. Д. САХАРОВА.

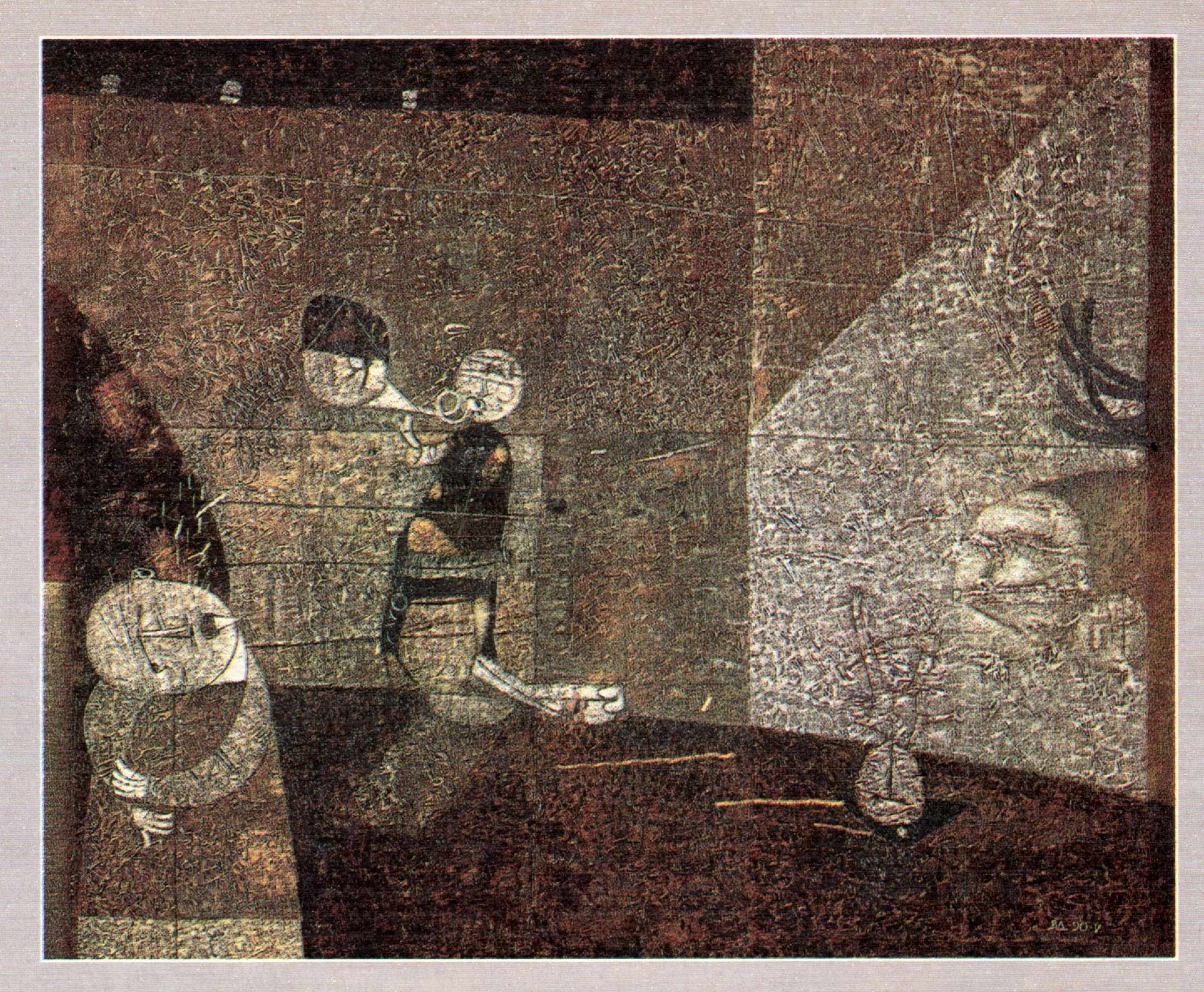

Александр ГУРЕВИЧ.
ЮДИФЬ.

Не надо думать, что «Анна» буквально принадлежит Анне. Галерея — и юридически, и финансово — подчиняется своему основателю — внешнеторговому объединению «Ленинград-Импэкс». Но если оставить в стороне ту частность, что частной собственности у нас пока нет, галерея, конечно, результат деятельности ее настоящей хозяйки — Анны, миниатюрной и невероятно энергичной женщины. «Анна» — не выставочный зал, за шторами на первом этаже одного из зданий по улице Плеханова находится офис. После звонка в дверь вас (надеюсь, не только корреспондентов «Огонька») встречают весьма радушно и хлебосольно. К вечеру тут вообще жизнь кипит — художники приходят обсудить дела, планы выставок, серьезные покупатели — условия сделок, телефоны, как положено, надрываются и на кухне свистит чайник. Но все эти милые детали не имели бы значения, если бы не картины. Коллекция «Анны», сложившаяся во многом благодаря дружеским отношениям с ленинградскими художниками — и мэтрами, и молодыми,— это серьезное собрание. Согласитесь, если есть возможности продавать картины за валюту (надеюсь, у «патриотов» это не вызывает негодования?), советскому галеристу нужно приложить немало усилий, чтобы уговорить художника сотрудничать. Впрочем, помимо женского обаяния, Анна весьма успешно хлопочет и о мастерских для художников, и о каталогах, и о престижных выставках. География их — не только Ленинград, но и ФРГ, Англия, Швеция, Норвегия, другие европейские страны. Все это нелегко, но, не вдаваясь в подробности и технологию финансового существования, заметим, что истории о богатых советских галеристах — только

Александр ГУРЕВИЧ.
ЭМИГРАНТЫ.

Владимир ДУХОВЛИНОВ.
ТРУБАЧ.

сказки. Чтобы осуществить интересный проект, нужно заработать деньги — для этого часть работ продается в импровизированном салоне на Невском проспекте, в интерьерах шведской гостиницы «Резо-отель». В общем, голова галериста болит о многом. К тому же специфика «Анны» (в отличие от московских галерей) в том, что здесь есть специальный худсовет, контролирующий, чтобы лучшие из работ не ушли за границу. Трудно сказать, хорошо это или плохо, по-моему, в этом есть определенная форма нажима на галерею (ведь не Левитана же тут продают?), но пока основная коллекция «Анны», с которой мы вас сегодня знакомим, неприкосновенна.

Характерно, что многие из советских галерей желали бы создать музей современного искусства, для которого «неприкосновенные» коллекции и берегутся. Дай-то бог, чтобы это стало реальностью (хотя тогда мы будем иметь по меньшей мере три таких музея!), но «Анна» уже и так подарила Русскому музею несколько картин, на которые музейные эксперты «глаз положили». То же, кстати, сделал и директор нью-йоркского Метрополитен-музей, что для всякой галереи только в плюс.

Лицо галереи — ее коллекция. Собрание «Анны» составляют работы сильных, интересных художников, таких, как Владимир Овчинников, Александр Гуревич, Владимир Духовлинов, других известных мастеров, которые в профессиональном кругу в рекомендациях не нуждаются. Есть и молодые — Александр Менус и Александр Подобед, например.

Разумеется, о каждом из них нельзя сказать: «художник галереи «Анна». Они — вольные птицы. Но то, что их работы достойно представляют эту коллекцию, безусловно, говорит об уровне галереи. Впрочем, у вас есть шанс оценить это самим.

Владимир ОВЧИННИКОВ.
ПЕРЕД НАРОДОМ.

Владимир
ОВЧИННИКОВ.
СВЯЗАННЫЙ АНГЕЛ.

◄ КРАСНЫЙ УТЮГ.

Александр КОНДУРОВ. СТЕНА.

Сергей СТАРОДУБЦЕВ.
КРАСНЫЙ ИНДЮК.

Елена ФИГУРИНА.
СБОР ПЛОДОВ.

Александр ТЕРЕХОВ,
Юрий ФЕКЛИСТОВ (фото)

ВОСКРЕСЕНЬЕ

ДНЕВНИК

Дорогу от трассы в село солнце высвечивало сахарно, как макушку пасхального кулича, а скупое потепление, давшее подышать из-под льда широкому ручью, добавило дороге стеклянных искр и вольного скольжения, и я пару раз навернулся со всего маху, к вялому испугу трусившей вслед разношерстной собачьей братии.

Мужик-нанаец ковырял щепкой закопченную горелку. Он занимался этим под забором, рядом с облезлой лодкой, когда-то синей, поставленной набок. По лодке, смешно покачивая хвостами, будто подбрасывая себя вверх, прыгали сороки.

Из-за лодки выбрался пацан с железякой на черной цепочке и сунул ее мужику под нос, как кадило:

— Пап, а как капкан?

Мужик оставил горелку, поскладывал что-то в железяке и осторожно уложил ее между ног.

— Идет лиса. Или соболь.— Он ткнул щепкой в капканью челюсть.— Сюда.

Капкан долбанул будь здоров. Как некормленый.

— Здравствуйте,— обозначил я свое существование.— А что за праздник завтра в селе?

Пацан унесся с капканом за дом продолжать опыты.

— Какой там праздник.— Мужик усмехнулся.— Чушек будем резать. Кровавое воскресенье.

Как всходит новая луна — нанайцы режут свиней. Пологие дымы тащатся вдоль черных крыш, старчески растрепанное, жидкое солнце перетекает небесную пустыню — во дворах опробуют горелки, пыхающие драконьими языка-

...Снег шершавый
и облезлый от ветра.
Вороны кричат здесь «мама»...
Как все-таки долго и трудно
умирает народная душа.
Но все-таки
умирает.

ми, чушки жуют свое накануне смерти. Вечером уже не покормят. Все.

А человеку хочется жить накануне счастья, ему нравится уезжать, его несет: дальше-подальше, чтоб дернулись, натянулись, прозвенели и лопнули прожитые, прошлые дни, остались, забылись, улыбались новые люди и дорога раздвигала березы с черными подмышками, и можно было отбивать ногой примерзшую гальку и пускать ее сначала в мутный, неровный лед у берега, потом в брызнувшее несхватившееся крошево, потом она весело щелкнет и прокатится по синей тверди и канет в тяжелую, едва рябящую протоку, вдоль которой бредут согбенные рыбаки, а тебе под колено тычется тишайшая псина смутного происхождения, и ты все твердишь себе: ну, ну вот, ты далеко, ты черт знает где, это — амурская протока, это — нанайское село Найхин, будет ночь новой луны, завтра — приносить жертву духам...

— Военный,— указал папироской Петр Николаевич Киле и поднялся с древнего, разрисованного трещинами бревна.

Зеленый «уазик» качался на наледях — он катил по главной улице.

— За рыбой приехал. За рыбу сгущенку дают, гречку, тушенку. Одежду могут. Да и оружие. Городские — водку только. За водку — все. А раньше так не пили. Старики напьются — сядешь в оморочку и гребешь поскорей — лишь бы их хари пьяные не видеть.

— Русские вас споили?

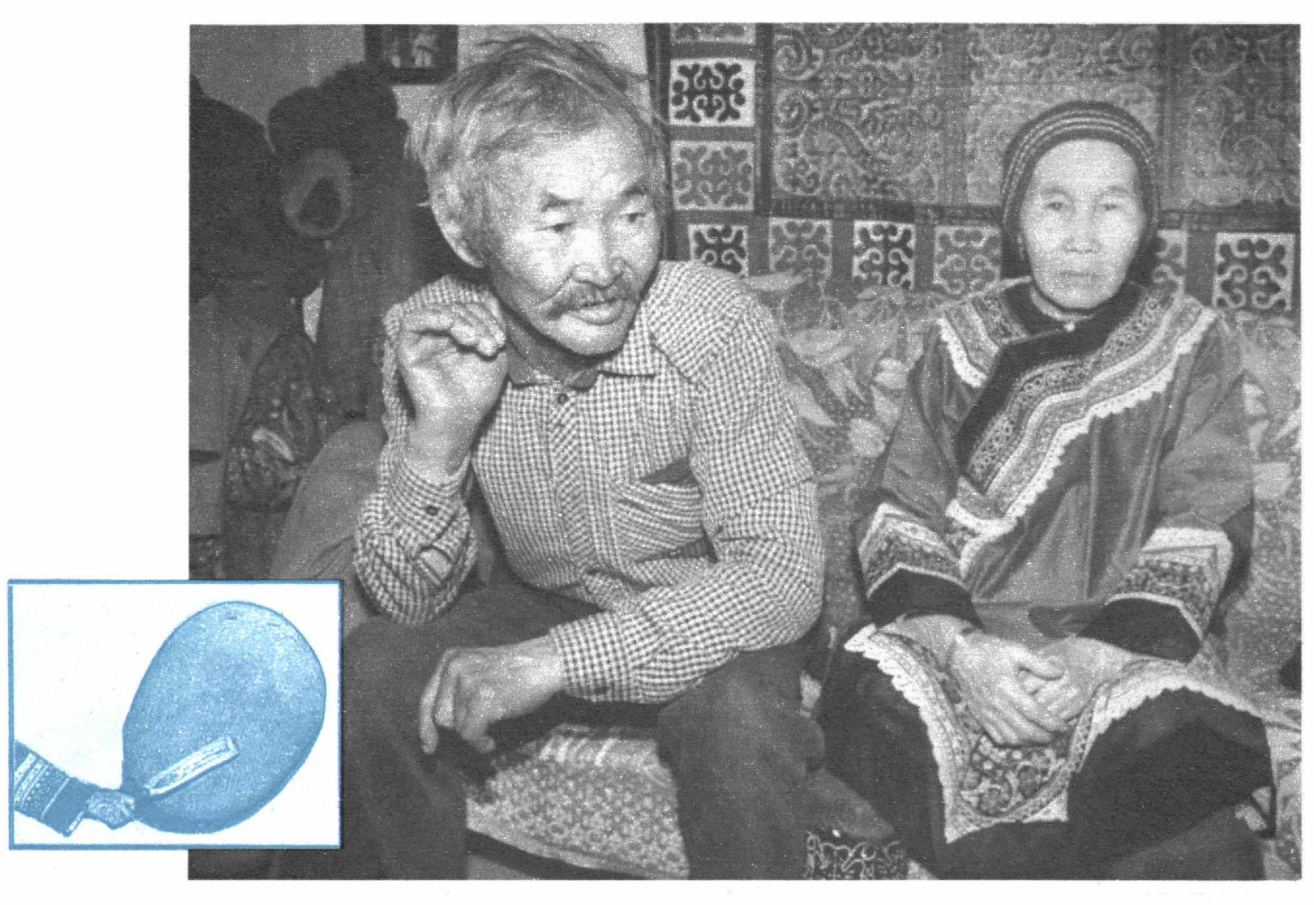
— А что русские? Я про русских ничего не скажу. Я вон с Яковом Гетманом, он с Троицкого, всю войну — одной шинелкой укрывался. Безбожный народ просто. Церквей нет, молодежь наша своего языка стыдится. Заговоришь, сразу кричат: не позорь нас! Шаманов

вывели почти. У меня мать была шаманка, о-о, какая шаманка... Умерла, другие шаманы мне рассказывали: мы слетаемся на дерево, мы здесь сидим, а мать твоя — на две ветки выше. Драться выучился только из-за матери — чтоб не смеялись. Такой водила стал — дома без скрученной веревки не ждали. И меня пытали духи, шаманом сделать хотели — сны ко мне приходили, летал, в бубен бил, как шаман, по следу ходил... Не вышло, так. Пойду я, вон Тамара к вам бежит.

В коротковатой фуфайке, в коричневой маленькой шапке с завязанными на затылке ушами, со спины казалось — это уходит мальчик. Он уходил, а на ближней сосне крутился дятел, словно удачливый жених приноравливается поудобней охватить дебелую невесту, а потом откидывал голову назад, как художник у мольберта, и тюкал кору — та слетала чешуйками вниз, обнажая мягкую, красноватую подкорку, изъеденную узорами личинок и жуков.

— Здравствуйте! А? Что? Я в этой шапке ничего не слышу! — Тамара — хранительница музея, она сдвинула с уха соболью шапку.— Вам такая удача. Идемте. Скорей. Финны были, японцы, французы снимали, но жертвоприношение — еще никто. Вы — первые. Такая редкость. Смысл в чем: земля сменила цвет. И тут активизируются все духи. Их надо задобрить. Весь год мы у них просим. Один раз в год мы им даем. Хорошо, если свинья с черной отметиной. Или красной. Значит, духи выбрали для себя. Такая редкость! Эта культура вымирает. Молодежь не интересуется. Пойдемте. Что?

Я показал на человека, уходящего по берегу.

— Кто? — Тамара уклонялась от солнца.— Киле, что ли... Это Петр Николаевич, ветеран войны. Великий мог бы быть шаман, эх! Да открыл свои внутренности — легкое ему отрезали на операции. Шаману это нельзя. И сны оставили его. Пошли. Надо шаманку уговорить и Марью Петровну, что резать будет.

Снег шершавый и облезлый от ветра, вороны кричат здесь «мама», она рассказывает, что шаманов погнали еще первые попы, хотя и с передышками. Хабаровский губернатор однажды сжалился и разрешил работать по призванию шаману Чонгидаму Оненко. Шаман отыскал отбившийся от казаков конский табун, а также пообщался немного с обыкновенным несчастным бараном, после чего у животного вылезли глаза. Шаман отвлеченно заметил, что подобного результата можно добиться и в отношении человека вне зависимости от его отдаленности и высоты его кресла. Можно понять хабаровского губернатора.

После известных событий, прокатившихся триумфальным шествием до Сибири, и в течение последовавших также известных событий шаманов выслеживали и угоняли безвозвратно. Выслеживавшие и угонявшие, говорят, жили недолго. Пришла война, крючок на гимнастерках велели расстегнуть и расслабиться — шаманы старательно мутили разум Адольфу Гитлеру. Но потом погибали сами. Шаман не может безнаказанно желать зла. Это было их самопожертвование. Еще духи не любят, когда шаманят по заказу. За это обязательно отольется. Брежнев вообще-то умер после того, как знаменитый шаман Гора Кисовна Гейкер съездила в Москву на запись. Но и сама Гора умерла. Наступило новое послабление — отдельные отчаюги бросались в танец с бубном средь бела дня вокруг магазина, но свобода припозднилась. Спасти шаманов — острова народного духа, живые книги, нить путеводную к истокам — уже никогда и никому не удастся. Все.

Экспортная самодеятельность вбила последние гвоздики в берестяной нанайский гроб.

Шаманство приходит к человеку, когда человек маленький, но когда ему уже исполнился год. Когда в него пришла уже душа.

Как все-таки долго и трудно умирает народная душа. Но все-таки умирает.

Также тяга человека к шаманству может проявиться во время болезни. Но это, наверное, больше в христианских народах, которых лечат волевым взглядом и ловлей невидимых мух по телевизору.

— Ты меня не знаешь, нет? Я — Ниясулте, по-вашему — Надежда. Ниясулте — значит калина. Калину черт боится.— У шаманки плоское, круглое лицо, как обветренный лик каменной бабы, она ходит согнувшись, присаживается на пол, у нее качается голова, погладив меня по голове, она радуется за Тамару.— Хороший у тебя жених!

— Гм-м... Это не жених.

— А я сижу. Никого не жду. Муж мой — Альберт Михайлович на Амур поплыл, далеко, давно. Рыба разная есть. Лишь бы клевала. Он — осетин, матрос с сейнера. Пришел: буду жить с тобой! На двадцать лет меня младше. Лю-бит! А вот, а ты посмотри, а вот с этой сумкой я ходила по Женеве: так-так, помахивала. И во Франции, и в Берлине. Выступала там. Меня в Америку звали, да муж не пустил! В магазин иду с сумкой, а ребята следом бегут: бабуска, дай мене. Вот шкура медведя. Гималайский. А сапожки у меня оленьи, а шапка — видишь? — из выдры! А пальто... сейчас. Вот! Воротник — соболь! Пощупай, видишь, сколько, это лапы, хвост. Нет такого пальто в нанайском районе! Крещеная я. И в партию, еще войны не было, вступала и не выйду. Я пальто показывала, да? И шаманка, и коммунистка.— Она печально выматерилась.

Тамара вызвала ее пошептаться за стену, где спорили радио и телевизор, я прочел в телефонном справочнике двадцать две фамилии Бельды.

Небо припорошило звездным сором и пылью Млечного Пути, на серебряной дороге перекрещивались тени от заборов.

— Согласна,— объявила Тамара.— Она просто выпивши немного. Теперь к Марье Петровне.

Марья Петровна очень испуганно слушала нанайскую речь Тамары, в паузах тревожно наблюдая, как я отпихиваю пяткой хрипящую в ярости собаку.

— Стесняется,— обернулась ко мне Тамара,— вдруг вы смеяться будете. Скажите ей.

Старик, супруг Марьи Петровны, прекратил ходить от печки к окну и приготовился ждать, что я скажу.

— Марья Петровна, я серьезно. Я не буду смеяться.

— Ну тогда завтра в десять,— заключила Тамара.

В интернате, где поселили, кормят так, что в тарелку смотришься как в зеркало после мордобоя.

В кровати, которую провисшая сетка делает скорее креслом, подлавливает неведомый товарищ, он убеждает меня, подставив ближе стул:

— Интернату нужны деньги! У нас такая скученность и бедность. Ребят повезли в цирк — их милиция на базаре арестовала, думали — из колонии сбежали. Нам немного надо,— он наклоняется поближе,— тысяч двести пятьдесят, а? Вы же из Москвы.

Он уходит, трепыхается и гаснет свет, заткнув глотку ламбаде на первом этаже, коридор во мраке и тихая девочка Лена устроилась в кресле:

— Свет включат, это просто перешли в колхозный движок. Чего есть не стали? Смотрите, ночь длинная. Учусь. В одиннадцатом. Нянечкой на полставки. С сестрой. Так получилось — нет родителей. Народ как народ, драки самое большое — раз в неделю. Все нормально. Все здесь нормально. Ни за что здесь не останусь. Просто.

Она напутствует:

— Осторожней. Здесь наркоманы. Гомосексуалисты! Спокойной ночи.

И — спокойной ночи, в коридоре еще охают местные каратисты после просмотра любимого видео в клубе, а потом расползаются наконец спать, но одному не спится, и он и в своей палате лупит с разбега в стену — ба-бац! — и засыпаешь, а просыпаешься от родного и близкого:

— Жи-ва! А ну встали! Быстро! А почему я не вижу никого со шваброй?!

Это значит — утро, воскресенье, день принесения жертвы духам.

У забора Тамара замялась.

— Очень неудобно идти. На праздник и без водки. Это вам простительно, не знаете правил...

Шаманка уже топталась на крыльце в нанайском халате, ветер раскачивал над ее головой полоски сушеной рыбы и гроздья сморщенного перца.

Марья Петровна, принарядившись также, сидела у плиты. В тазу и выварке грелась вода.

— Дед на рыбалку собрался,— прошептала Марья Петровна.— Заругал меня. Не хочет он с чужими.

Дед дособирал в углу заплечный мешок и ушел в неловком молчании, пряча в синих губах единственный зуб.

— Надо кого-то звать! — ахнула Тамара.— Духам же уже пообещали.

— Звать-звать, а кто без водки пойдет?!

— Киле пойдет. Я — за Петром Николаевичем.— И Тамара унеслась на попутном мотоцикле.

На соседском дворе уже лежало тело, укутанное одеялом, обданным кипятком, валил пар и посверкивал нож, воткнутый в доску.

— С вечера не кормят,— сказала шаманка.— Свяжут и раз — под левую лопатку. Кто очень умеет, просто подходит к чушке, она стоит спокойно, нагнется и ножом — раз! Молодые дураки стреляют. Промажут, а она бегает по огороду, кровь льет... А сало, знаешь, какое хорошее у костра.

Молодой мужик сдернул одеяло, открыв опаленную тушу, полилась горячая вода из белого ковша, и он ножом стал соскребать черное, обнажая сливочное, тугое, едва колыхающееся тело. Он держал чушку за ухо, ухо было как оладья в руке, он оглянулся на шаманку и обратился к сумрачно прижмуренным глазам чушки:

— Вася, ты извини, что я тебя съел.

Шаманка отвернулась. Она глянула еще на улицу и крикнула:

— Марья, давай, приехал Киле!

Женщины схватили лопаты и пошли расчищать снег у священных деревьев с южной стороны дома.

— Где же ее племянники,— ворчал Киле и вспоминал: — Вот раньше были праздники — медвежий, голову медведя варили, да-а...

Он крутил в пальцах витую веревочку, женщины несли к подножию трех тоненьких священных лиственниц три белые бумажки и три рюмки с водкой. Духи любят немного водки или вообще спиртного. Еще они любят жертвы. Чушке в ухо наливают водки. Если дернет головой — значит, духи ее хотят. Нет — развязывай. Или резать, но для себя. Все готово. Все.

Они стали коленями на снег, рядом, их головы в поклоне касались снега, они кланялись в сторону солнца, и простора стало меньше, они просили духов за себя, за детей своих, за меня, на год вперед, они просили не смотреть, как они просят, и я ушел за угол.

Две собаки — у калитки и у маленького сарайчика, с тяжелым присутствием жертвы скучали.

— Ну.

Марья Петровна отворила сарайчик

и, присев, завязала белую веревочку на ноге у сонно мигающей чушки.

Киле сделал шаг к сараю, схватил веревку, и тут заполошно застонали куры в смертной истоме, дернулись цепи и взвыли собаки, и ошалелый жадный лай забился о землю и небо, они рвались, рвались вперед, чушку тянули за ногу, как репку, скопом, она отдавала им ногу, но упиралась поперек прохода и терпела, и по-своему стонала, и все смотрела наружу, на людей, а потом решилась, ошиблась, дура, выскочила наружу, чтобы сразу рвануть, но тут мигом свалили, напрыгнули верхом, завалили на бок, и качнулись розовые в окружении наплывших морщин соски, а на снегу уже лежал армейский штык-нож с нарядной лакированной ручкой, ей вязали ноги, а она билась под людьми, приподнимая усталую голову и силясь посмотреть, как рвутся в остервенении с цепей собаки, и теперь уже остались только полянка, люди, дыхание, хрип, хрюканье и струйка водки, лизнувшая безвольное ухо,— чушка тяжело и мутно качнула, потрясла большой головой — есть. Марья Петровна и шаманка радостно переглянулись — есть! Да! Все! И теперь уже осталась только рука, слепо опускающаяся на снег в ожидании касания гладкой рукояти, я отвернулся, и меня повело в сторону, к дальней собаке, она была черная, кудлатая и вдруг замолчала и смотрела на меня, и — вопль, режущий, зарезанного живого, плоти, разорвавшийся до лошадиного обожженного ржания, скрежещущий по тебе пилой, брызгающий кровью, еще, и вот уже с ветровым переливом, еще, еще, уже как-то устало, нутряно и даже довольно, и дальше только хрип. На ней сидели верхом. Она лениво подрагивала. Будто сидели на сердце. Ее перебирала дрожь детского засыпающего тела, потом просто шелохнулась, дергала ногой, краснел снег размотавшимся шарфом, упавшим с горла, крутились уши, а голова все пыталась оглядеться, а потом упала на снег, будто прислушиваясь к земле, которая переменила цвет, и все.

Киле встал и, шатаясь, прошел мимо меня. В клюквенной руке его торчал нож — острием вниз, будто вбитый насмерть в кулак. Так он уже сделал раз двести. Теперь надо мыть руки.

Они снова молились, и кровь первая легла на белую бумагу, на три листочка, пили водку, окрашенную кровью, осталась разинутой квадратная глотка сарая, над которой ветер трепал клок запасенной впрок травы.

Марья Петровна, широкая, в фартуке поверх халата, спешила ко мне с рюмкой водки, я отмахнулся, обидел, ушел к забору пытаться радоваться хорошему дню, а они, сразу отвернувшись, потянули с поленницы толстую колоду — разделывать тушу.

Кровь присыпали стружкой, отрезали голову, вырезали ремень из живота, вынули внутренности, уложили их в отдельный тазик к голове — для духов. Потом резали и рубили остальное.

В доме, в дальней комнатке, накрыли тумбочку для духов, для них поставили мясо, налили водки, положили окровавленные листки. Что-то было внутри тумбочки — не показывали. Повязали на пояс платки и молились все вместе, до пола, заявились из бани племянник с товарищем летчиком. Летчик долго уговаривал меня что-то продать и предлагал Тамаре сделать в бане массаж, племянник угрюмо просил меня выйти подышать на крылечке и ставил на колени у тумбочки детей и клонил их головы к полу. Вернулся с реки дед Марьи Петровны, от водки размяк и водил показывать рыбу в летнюю кухню — огромную, как двуручные пилы, кету, ленков с синеватым проблеском, ершей в хорошую сковороду с изящными кружевами плавников. Дед сидел на пару с Киле, они бормотали:

— Сколько было птицы, рыбы... Амур стоном стонал. Раз заведешь сеть — сотни центнеров.

— Сиг, таймень, нельма, кета...

— А теперь ничего нам нельзя. На реку не пускают, в лес не пускают. Ловить — только удочкой.

— Развелось тут всяких, как нам жить? Раньше что хотели, то и делали, все наши деды — охота да река...

Шаманка закрепила на голове плетеную шапочку, и бубен загрохотал в ее руке, как кусок жести, она пошла, двинулась, и заплясали, забились, загремели железные трубочки на шаманском поясе — она запела горным, гранитным голосом, останавливалась — ее кормили — и плясала дальше, она шаманила, перебивая застольный разговор:

— Говорят, леспромхоз выменял курево на вагон леса.

— На рейсовом автобусе! Рулит, глядь, два сохатых у дороги. Он ружье из-под сиденья вытащил — трах одного. Вылез на обочину — трах другого. И поехал дальше. Туши на обратном пути заберу.

— Как там Президент?

— Соболя бьют так. Засек, стой у дерева, жди. Только он, гад, голову высунет из-за дерева — ба-бах!

— Вот отделимся к черту от вас. Будет Дальневосточная республика. Да зачем вы нам нужны?

— У нас такая вода — сын в город к себе банку берет, так жена всю выпивает. Ему — ни капли.

Бубен и пояс отправили по кругу — плясали и били все кто как мог, ели пельмени и жертвенную чушку, потом опять шаманка молилась, и едва видные в узком разрезе глаза ее смотрели в далекое и чужое.

Когда взгляды затуманились и отяжелели языки, я стал лишним совсем.

В подснежной тишине ступал по деревянным тротуарам, и протекшими каплями копились звезды над головой. За заборчиком, за серевшими свежими расколами поленьев плясал занимающимся пламенем костерчик на крыльце. Я умилялся под забором диковинным обычаям местного народа.

Мы только начинаем расходиться, нас только начали звать свои дороги, нам еще предстоит осознать свою разность, увеличить ее, уважая других. Потом, быть может, суждены нам встречи, объятия, проникновения. А пока — в разные стороны, чтобы понять, кто мы есть. И вместо того, чтобы после слов «земля у нас одна» прибавлять про себя щедрое и снисходительное «уж так и быть»,— придется делиться. Вместо умильного «они такие же люди, как и мы» придется меньше гладить по головкам и сюсюкать свысока, меньше врать себе про обязанности «старшего брата», чье влияние мимолетно переходит в опустошение и в самоопустошение. Мы разойдемся по земле искать свои гнезда. Все.

А костер на крыльце пылал уже пожарче, громче звучали ритуальные песнопения в доме, и уже слышны стали отдельные слова:

— А-а! Как вы меня достали все! А пошли вы все! Убью! Дом спалю!

Из дома с плачем вывалилась женщина и бросилась тушить крыльцо — можно было уезжать.

До автобуса проводила девочка Лена из интерната. У нее на хвостике появились какие-то невероятные оранжевые резинки.

— Вы приедете еще?

— Может быть. Если только летом...

— Летом меня уже не будет.

— Тогда весной.

Она взяла адрес, напишет обязательно.

Сосед в автобусе показал пальцем:

— Ленка. Отец ее мать убил. Пятнадцать лет дали. Через два года выйдет.

Через двадцать часов в московском метро было пустынно, но мешал расслабленный товарищ, все силы которого ушли на прохождение строевым шагом через постового у турникета, и теперь он падал на каждом рельсовом стыке. Я его ловил, ловил, а потом плюнул, и всю оставшуюся дорогу мы ехали как бы обнявшись.

Имена и фамилии изменены.

БРОНЯ КРЕПКА

КИНО-ТЕАТР ОРДЕНА ЛЕНИНА ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

Александр МИНКИН

АЛЕША ПЕШКОВ. Маленьких всегда бьют?
БАБУШКА. Всегда.

В тот вечер в Доме кинематографистов нам показали документальный фильм «Дембель-91». У слова «документальный» оказался тяжелый криминальный смысл. В самый раз на пару лет строгого режима.

«Дембель» снимали в двух местах нашей Родины. В парке культуры и в казарме. В столице нашей Родины, в ЦПКиО имени Горького. И в ордена Ленина Забайкальском военном округе.

В парке — праздник. Лихая морская пехота. Тельняшка в обтяжку, берет вертикально сидит на затылке (чудом? на заколках? — вечная загадка).

Немногие облапили подруг. Но в большинстве это мальчишник. Широкие груди, мощные бицепсы. Обученные, гордые, годные к строевой, гаранты победы. Все веселые, потные, все под газом. Их лучше не задевать. Они только и ждут, чтоб на кого-нибудь обидеться. Из репродукторов льются бодрые песни.

Праздник снимали минут двадцать. Может, сорок.

Казарму снимали полтора года.

Будни — дело долгое.

За долгие месяцы личный состав привык к кинокамере. Перестал ее замечать. Перестал стесняться. И тогда камера увидела то, что некоторые маршалы считают вымыслом и клеветой, но от чего некоторые рядовые вешаются. Камера увидела «дедовщину».

— Упор лёжа принять! Встать! Упор лёжа принять! Встать! Упорлёжапринять! Встать! Воздух! (Надо упасть навзничь и сделать вид, будто стреляешь в самолет.) Встать! Воздух! Встать! Вспышка слева! (Надо упасть ничком, головой влево — там, видимо, взорвалась атомная бомба, хотя всё это в коридоре и слева — сортир.) Встать! Вспышка справа! Встать! Упорлёжапринять! Встать! Воздух!

Все это делается стремительно, а продолжается бесконечно. Ночь. Все спят. «Дедушка» воспитывает салагу. Кому не спится в ночь глухую? Спит ли мама салаги? Наверное, нет. В Забайкалье — ночь. В Москве — вечер. Мама сидит перед телевизором, смотрит парламентские дебаты о правовом государстве, о необходимости защитить Советскую Армию от желтой (теперь не говорят «антисоветской») прессы.

КИНО. ПЕРВЫЙ ГОД

Исполнение священного долга перед Родиной начинается не с частного — начинается с государственного унижения. Новобранцев стригут наголо. Может, так и надо. Бог его знает. Может, нет другого средства от вшей. Но зачем так грубо? Зачем такая тупая, рвущая машинка? Ручная, допотопная. Нигде в мире таких не осталось. Мы бережем. В музей не сдаем. Всё лучшее — детям. Ладно, машинка — дрянь, но зачем процедура эта идет с насмешкой, с издевкой, с тычком, с пинком, с матерком? Верно, чтоб стал мужчиной. Другого ответа искал — не нашел.

В кадре мелькнули проводы. Одна плачущая мать, другая... Родина-мать зовет, а родная мать плачет. Плачут ли французские, шведские матери, провожая сыновей в армию? Интересно бы знать.

Новобранцы летят в самолете. «Высота 10 000 метров. Температура за бортом минус 50°». Летят туда, где эта температура зимой спускается из стратосферы к людям.

Прилетели. При Николае I — Читинский острог. Теперь — ордена Ленина Забайк. воен. окр. С кем тут воевать? Соседей двое — выбор невелик.

Но роте не до противника. Дизентерия то ли началась, то ли вот-вот начнется. Роте раздают газеты. Рота, спустив штаны, сидит орлом вдоль опушки. Каждый орел — над своей газетой. Названия упустил разглядеть, но вряд ли «Литературка». Звучит команда (здесь и далее мат опускаю):

— Пока последний не посрет — рота будет сидеть!

У «последнего» глаза на лоб лезут от стараний. А как же? Ведь всю роту держит над газетами с дерьмом (вот уж впрямь желтая пресса — прости, Господи!). А издевательства «последнему» гарантированы. Не побьют — спасибо.

Здоровье — важно. Здоровье армии — очень важно. Анализы необходимы. Но почему на каждом шагу надо топтать мальчишек? Вероятно, многие впервые в жизни оправляются публично. Коллективно-ответственно. По знаменитой формуле: один за всех — все за одного!

Вам неприятно? Братья и сестры! Дорогие мои! Мы выдержали жизнь — ужели не выдержим кино?

Казарма — кривые окна. Сортир — кривая плитка. Серость. Убожество. Разруха. Солдаты и офицеры живут не замечая. В задачках по геометрии это называется «дано». Дано — и все тут. А что «требуется доказать»?

Столовая во дворе. Столы, лавки, ложки, миски, колючая проволока... Стоп! Камера киношников уже привыкла к пейзажу ордена Ленина Забайкальскому — скользит по баракам, по колючке — не замечает. Камеру интересует «розлив» супа. Но мой взгляд напоролся на колючую проволоку, повис на ней.

Зачем, Господи? Кого от кого отгородили колючкой в ордена Лен. и т. д.? Столовую от барака? Я не против, но хотелось бы понять смысл. Судорожно пытаюсь вспомнить план Освенцима,

пейзажи «Архипелага» — нет, вроде бы там только по периметру.

...Надо ли так далеко летать — в Читинский острог. Недавно гулял со своей собакой и с чужой француженкой по дворам Преображенки. Вдруг француженка ахнула, закричала: «La terreur! La terreur!» (Ужас! ужас!) Гляжу — газончик огорожен колючей проволокой. Люди идут, детки играют — никто не видит. И я не замечал. Да, говорю, плохо, ржавая, ребенок поцарапается — столбняк подцепит. А француженка меня не поняла. Ее не ржавчина ужаснула, оказывается.

Теперь думаю — все к лучшему. Вырастут детки на Преображенке — легче перенесут Забайкальский острог.

Хватит ужасов. Давайте посмеемся. В 1981 году я поехал выступать в Киров. Вечером во Дворце Политпросвещения просвещал кировскую элиту насчет театра абсурда. Черт меня дернул. «Для примера,— говорю,— вообразите: иду сегодня впервые в жизни по вашему городу, на всех витринах огромными буквами МЯСО МАСЛО МОЛОКО СЫРЫ КОЛБАСЫ, а ведь все знают, что ничего этого нет — одно пшено, но идут вятичи спокойно — кирпичом по издевательским надписям не шарахают; чем не театр абсурда?» Просыпаюсь ужасно рано от телефонного звонка: «Ваши лекции отменяются, быстренько сдайте номер, внизу машина, у шофера билет на самолет». Выслали из Вятки в полчаса. А куда? В Москву, где эти надписи тогда соответствовали. Спасибо — не в психушку.

Казарма. Вечер. Москвич-салага наговаривает звуковое письмо маме в Москву. Слова говорит хорошие, голос добрый, неторопливый. На трудности — парень крепкий — не жалуется. Жалуется немножко на тупость бамбуков, урюков. Тормозят урюки успехи роты. Мама посочувствует.

Поле. На поле танки. Хриплый монотонный радиоголос капитана: — Пятый, вперед!.. Пятый, вперед!.. Пятый, вперед!.. (Мат опускаю.) Пятая машина, вперед!.. Пятый, вперед!!

Но танки наши не быстры. Все боевые машины стоят. Вот, слава Богу, одна случайно поехала. Кажется, совсем не пятая.

Казарма. Капитан в ярости, в бешенстве: «Ты слышал мою команду?! Слышал?!» Перепуганный парень — будущий механик-водитель — бестолково таращится, мотает головой: «Не-а».

— Не-а, не-а! А ты эту ху-ню подключил?!!

Спасибо — не ударил. Только со злобой дернул капитан солдатика за какую-то, тянущуюся от шлема, штучку. Теперь парень запомнит, как она называется, и сам не забудет подключить, и другим про эту х--ню объяснит.

Один кадр — из советского фильма. Другой кадр — из советской жизни. Где происходит дело? В лагерном бараке? В армейской казарме? Поди угадай.

Фото Ю. БУРАКА.

Святая воинская присяга в Забайкалье. Чудовищные ошибки, немыслимые ударения, некоторые слова совершенно нельзя понять. Это не акцент. Это механически заученные звуки незнакомого языка. Это присягает урюк.

Слышишь и понимаешь: парень впервые в жизни говорит по-русски. (Опускаемые в этих заметках слова он, конечно, уже знает. Но ведь они не русские. Мат — это скорее международный код, передающий не столько информацию, сколько эмоции.)

— Кыланюз ны пыщыдыт...

Это он клянется отдать жизнь за Отечество. Над ним можно поиздеваться. А можно — пожалеть.

Но стоит подумать не только об урюке, но и об армии.

Давайте спросим психологов: чувствует ли человек хоть какую ответственность — не говоря уж о священном долге — за клятву, произнесенную на чужом языке? Давайте спросим: не стал ли за месяцы унижений этот чужой язык — язык клятвы — языком врага? Давайте спросим урюков и бамбуков: как они называют нас на своем языке? (Я спрашивал — не сказали.)

Давайте подумаем: почему литовец, узбек, армянин должны на русском языке клясться отдать жизнь за Родину? Сколько стоит такая клятва? Думаете — ломаный грош? Нет — миллиарды.

Призыв провалился весной, провалился осенью и, если дело у нас обойдется без Пиночета, провалится и будущей весной. Кто тогда будет подключать х---ю, чтоб услышать: «Пятая, вперед!»?

Христианин, поклявшийся на Библии (даже вынужденно; скажем, по требованию судьи), вероятно, ощущает обязательство. Но представьте: православного заставили клясться на Талмуде или Коране. Армия едина и Бог един. Но захочет ли русский перекреститься на синагогу?

Русский — государственный. Русский — язык межнационального общения. Единая армия для защиты единого Союза и т. д. — все верно. Но от кого?

Даже сумасшедший Хусейн кинулся на жирный Кувейт. Кто кинется на нас — нищих? На наши убогие заводы по производству брака, на нашу переотравленную землю? Шведский захватчик через литовскую брешь? Шведский солдат, чья казарма больше похожа на гостиницу ЦК КПСС, чем на казарму СА?

Господин Коль? Погонит в Германию? Захватит Чернобыль? Что вывезет? Все, что годится, везем сами. И рабсилу не надо угонять — сама рвется, сама за билет платит и с готовностью переплачивает — только пусти.

Японцы? Захватят Дальний Восток? Разрушат церкви? (Сколько сами разрушили — никакие гитлеры не побьют рекорд.) Начнут насиловать? Ой, вряд ли. И зачем насиловать? Кто-нибудь видел, чтоб девушка сопротивлялась иностранцу?

В конце концов пусть захватят. Я под конец жизни хочу пожить на оккупированной территории. Хуже не будет. К тому же и Родину не предам. И на родной земле останусь, и в капиталистическом аду поживу.

От кого защищать должен урюк? Кто его бил, грабил, унижал?

А главный вопрос: **кого** защищать собирается наша армия? Солдатским матерям — и русским, и узбекским — не вижу угрозы.

Начальников? Но в присяге не говорится, чтоб за... (На этом месте я усомнился, немедленно позвонил сыну — он «дембель-86»,— ну-ка, говорю, произнеси присягу. Он начал и на первой же фразе сбился. Не могу, забыл. Вспомни! Пыхтел, пыхтел — никак. А он-то на родном присягал — не на чужом.) Так вот, в присяге не говорится, чтоб за начальников умирать (что мы, кстати, и делаем; и в мирное время больше, чем за войну). Говорится: защищать Родину. Хорошо. Только давайте разберемся — кто ей враг.

КИНО. ВТОРОЙ ГОД

Казарма. Наш рядовой, которого стригли, которого «гоняли», который маме на бамбуков жаловался, стал сержантом. Теперь сам гоняет.

— Отбой! (Стремительно разделись, кинулись в койки.) Газы! (Надели противогазы.) Подъем! (Вскочили, построились.) Отбой! (По койкам.) Подъем! Отбой! Подъем! Отбой!..

Все это делается стремительно, а продолжается бесконечно. В противогазах. Кто-то задыхается. Лица не видно. Рожа с хоботом. Нехай задыхается. Небось не помрет.

Устал гонять. Смиловался. Лежат мальчики под одеялами. Слава Богу — без противогазов. Укрылись — лиц не видно. Заснуть хотят или поплакать?

Сидит на табуретке умаявшийся дедушка-наставник, опечаленный их нерасторопностью, и грустно, с обидой, человечно, негромко:

— Изверги. Пидарасы. Кто меня отнесет спать?

В кадре «гоняют» минуту. В съемке — полчаса. В СА — два года. В СССР — всю жизнь.

Спокойной ночи.

А капитан (пятый, вперед!), гляди-ка: уже майор! Лицо ласковое — отец солдатам. Говорит о духовности, о священном долге, о незабываемом светлом дне присяги. («Вы будете ее помнить всю жизнь!») Интересно, верят ли мальчишки, обязанные слушать и не возражать,— верят ли они в его искренность? Я бы поверил, если бы не ужасное косноязычие, с коим идейный майор выталкивает изо рта заученные слова. Что ж это у него с русским языком? И ведь не урюк, кажется.

Казарма. Вечер. Наш дедушка опять маме звуковое письмо наговаривает. Рассказывает, как заботится о молодых, воспитывает, как вчера ночью подняли по тревоге, раздали оружие, повели к самолету, но в последний момент, уже на трапе, его и еще кого-то оставили, а друзья полетели воевать, а он не полетел воевать в Карабах, а жаль — такой шанс отстрелять партию этих гадов... (По интонации ясно: речь не о политической партии, а просто о большом количестве людей — как, скажем, партия товара.)

Тишина в казарме. Мертвая тишина в Белом зале Дома кино. Такого искреннего текста здесь еще не слышали.

Потерпите, сейчас вернемся в парк культуры. Только еще одно фото на экране — парень, повесившийся на седьмом месяце службы. Вторично мелькают начальные кадры. Мы видим: вот его провожают, вот стригут «под ноль». Теперь (зная!) кажется, что еще тогда, весной 89-го, по слегка печальному лицу было видно — не выдержит. Ну да что говорить!..

Конец! ЦПКиО имени Горького. Веселые. В тельняшках, в беретах. Здоровые. Малость грубоватые, слегка поддатые. Музыка гремит. Тени удлиняются. Чем кончится праздник, когда солнце зайдет, а газу добавится? Подерутся между собой? Или кто-то из прохожих, сам того не зная, «обидит» и тем даст молодым мужикам вожделенный долгожданный повод?..

ТЕАТР

Кино кончилось. Зажегся свет. Начался спектакль.

Чем театр отличается от кино? В театре артисты живые. Они приехали к нам в Дом кино, в город-герой Москву,— артисты ордена Ленина Заб. в. о. Только что мы видели на экране, как этих мальчишек мордовали. Видели, как они, став дедушками, сами стали мордовать. Только что он грустил — «изверги, пидарасы, кто меня отнесет спать?». Только что огорчался в письме к маме, что упустил «шанс пострелять партию этих гадов».

И вот он перед нами во плоти — скромный, аккуратный, взволнованный блондин. Он в форме. Он дембель-91, ему еще служить полгода. Он делится секретами актерского мастерства. Пытается рассказать, что фильм «не совсем документальный». Мол, «играли» по просьбе режиссера. Особенно уличающее сержант напирает на слово «монтаж», думая, очевидно, что это слово — антоним документальности. Но монтаж — Бог с ним. Мы-то понимаем, что снимают год, а смотришь час.

Вот насчет «играли» — интересно. Если так — эти ребята гениальные актеры. Но спокойно — еще не завтра Шварценеггер и Сталлоне потеряют работу. Театр в Доме кино покидает сферу искусства. Ситуация криминальная. В зале группа преступников. Какая? — вот вопрос.

Если кино документальное — значит, герои фильма многократно совершали воинские преступления. «Дедовщина» карается по Уголовному кодексу. Их ждет дисбат. И это накануне свободы!

Если сцены «дедовщины» разыграны — значит, это не докфильм, а фальшивка, клевета на Советскую Армию. Значит, надо судить и карать съемочную группу.

Микрофон. Две группы. И публика.

Киношники. Не судите слишком строго этих ребят; мы выбрали для съемок лучшую, образцово-показательную воинскую часть; в фильм включили только самые безобидные эпизоды; слишком черное мы даже не снимали; дело не в сержанте, а в системе.

Военные. Фильм — фальшивка, в армии все не так, «дедовщина» исчезла, приезжайте — увидите (в это — верю. Если приедем — мордобоя нам не покажут), все изменилось (в это верится с трудом. С чего вдруг?).

Из орд. Лен. Заб. привезли на премьеру трех сержантов — героев фильма? артистов? С ними прибыл полковник — начальник политотдела дивизии. Полковник-режиссер наклонялся к уху очередного парня, и тот покорно шел к микрофону, бесцветным голосом бубнил «не совсем документально», «монтаж», «играли». Один тезисы полковника на ладошке записал. Как школьник подглядывал в шпаргалку. Не стоит придираться, уличать во лжи — парни спасали не столько честь мундира орд. Лен. Заб., сколько свою свободу.

Давайте оставим их всех в покое — киношников-клеветников и парней в форме, которых не хочется называть садистами (а были в зале и матери солдат, погибших в армии,— их речи лучше не вспоминать). Оставим это. Не нам судить. Лучше еще раз подумаем об армии.

ШКОЛА

До зевоты надоели статьи о «дедовщине», теледебаты, «контрвью» (дурацкое слово), письма о «дедовщине»: безобразие! уродливое явление! прикажите покончить с «дедовщиной», маршал Язов! издайте Указ, товарищ Президент!

Сколько можно называть «дедовщину» уродством (отклонением от нормы)? То, что происходит бесконечно и повсеместно,— норма. Урод — тот, кто вешается от нормы.

Покончившие с собой тоже полезны и необходимы. Они — пример для неподражания. Вот что будет с тобой, парень, если окажешься хлюпиком, станешь плакать и страдать.

Научись не страдать — не повесишься.

Не страдаешь — живешь.

Не страдаешь сам — не будет жалости к другому.

«Дедовщина» — уродливое явление? Отклонение? Армия — норма. И дед — норма. Отклонившиеся вешаются, уроды. Норма живет и побеждает.

Полковник-начполит тоже вышел к микрофону: «Не готова современная молодежь к армии. Дорогие родители (смотрел он в этот момент своей речи на матерей, потерявших сыновей), дорогие родители, надо ребят получше готовить». Разве? Разве не готовы? Если вешается в этом аду один из 10 000 — значит, наши мальчики готовы к нашей армии на 99,99 процентов.

Ничего случайного в «дедовщине» нет. Она — в нынешней обстановке — **необходимейший** элемент армии. Внешнего врага нет. Внутреннего — все больше. Бить своих надо не только уметь, но и мочь.

Новобранца унижают, оскорбляют, бьют. Или привыкаешь, или вешаешься. Большинство привыкает. Перестают плакать, перестают замечать. Отучаясь чувствовать оскорбление — а тренируют бесчувствие в яслях, в детсаду, в школе, а у многих и дома,— научаешься **спокойно** (нормально) оскорблять. Став «дедом», оскорбляешь и бьешь **спокойно.**

Сперва делают бесчувственным к собственному унижению, потом стимулируют унижать и бить. Потом человек готов для саперных лопаток, для стрельбы разрывными по гражданскому населению — дайте только шанс.

Нашей власти нужна такая школа. Без «дедовщины», не отбив у человека человеческое, не заставишь выполнять бесчеловечные приказы.

Внутренний враг — не оккупант, не жег твою хату. Для выполнения некоторых приказов мало иметь в руках автомат или лопатку. Надо иметь еще и заряд ненависти. Где ее взять? Ее выдают новобранцу, его заряжают. А обратить ненависть в нужную сторону, в сторону «гадов» — пустяк.

Артема Боровика в американской армии шокировал плакат «Убей советского!» (или коммуниста — не помню). Без заряда ненависти нет солдата.

Иные страны набирали наемников, безжалостных к коренному населению. Отечество располагало казаками, ненавидящими москалей, и без угрызений совести полосовали всадники студентов и пролетариев на питерских мостовых.

Для того и везут парней далеко от дома. Потому и требуют республики, чтоб служили солдаты в родных местах.

Майор молодец. Он заряжающий. Зарядил в учебке и отправил, а двух-трех пригрел — отец родной — и внушил: знай мою доброту.

И не удивлюсь, если пригретые полюбили его. Искалеченные души способны искренне лизать бьющую руку.

«Дедовщина» сохраняет боевой дух. Чем иначе его добыть? Косноязычными рассказами о врагах социализма? Вдохновляя пацанов идеями Ленина? После Афгана этот поезд ушел и не вернется.

Передовые умы — либералы, межрегионалы — призывают к военной реформе. Мол, профессиональная армия нужна. И деньги подсчитали — кажись, наскребем.

Братья и сестры, зачем вам профессиональная армия? что будете с ней делать? какие задачи решать? Профессиональная армия — это мощная техника, авианосцы, ракеты, компьютеры. Против демонстрантов оно как-то слишком. В нестабильной, раздираемой конфликтами стране нам только мощной профессиональной армии не хватало! Может, мы только потому и живы, что наша армия — плоть от плоти нашего народа (советского). Такая же халтурщица и бракодел с раздутым до полной неподвижности генералитетом.

Да разве в деньгах и технике дело? Чтобы создать такую армию, о которой грезят наяву некоторые депутаты, не с сержантов надо начинать. И не с генералов. С яслей. С роддомов. С воспитательниц в яслях... Эх, да что говорить!

...На премьеру в Дом кино из орд. Лен. Забайкальского военного округа доставили и майора. Того самого «пятая, вперед!». Если и он «играл» — продать майора в Голливуд. Майор там самого Марлона Брандо затопчет.

Полковник-умница посылал к микрофону сержантов. А майор сидел стиснув зубы. Ни звука. Вот кто попал! Вот кто вляпался с этим кино по самое не могу.

Матери погибших готовы были растерзать мальчишек-сержантов. Что они сделали бы с майором, страшно подумать. Он и не лез вперед, хоронился за спинами. Даже мне он побоялся отвечать.

— Грозят ли сержантам наказания? — спросил я полковника.

— Уверяю вас, никакие наказания их не ждут.

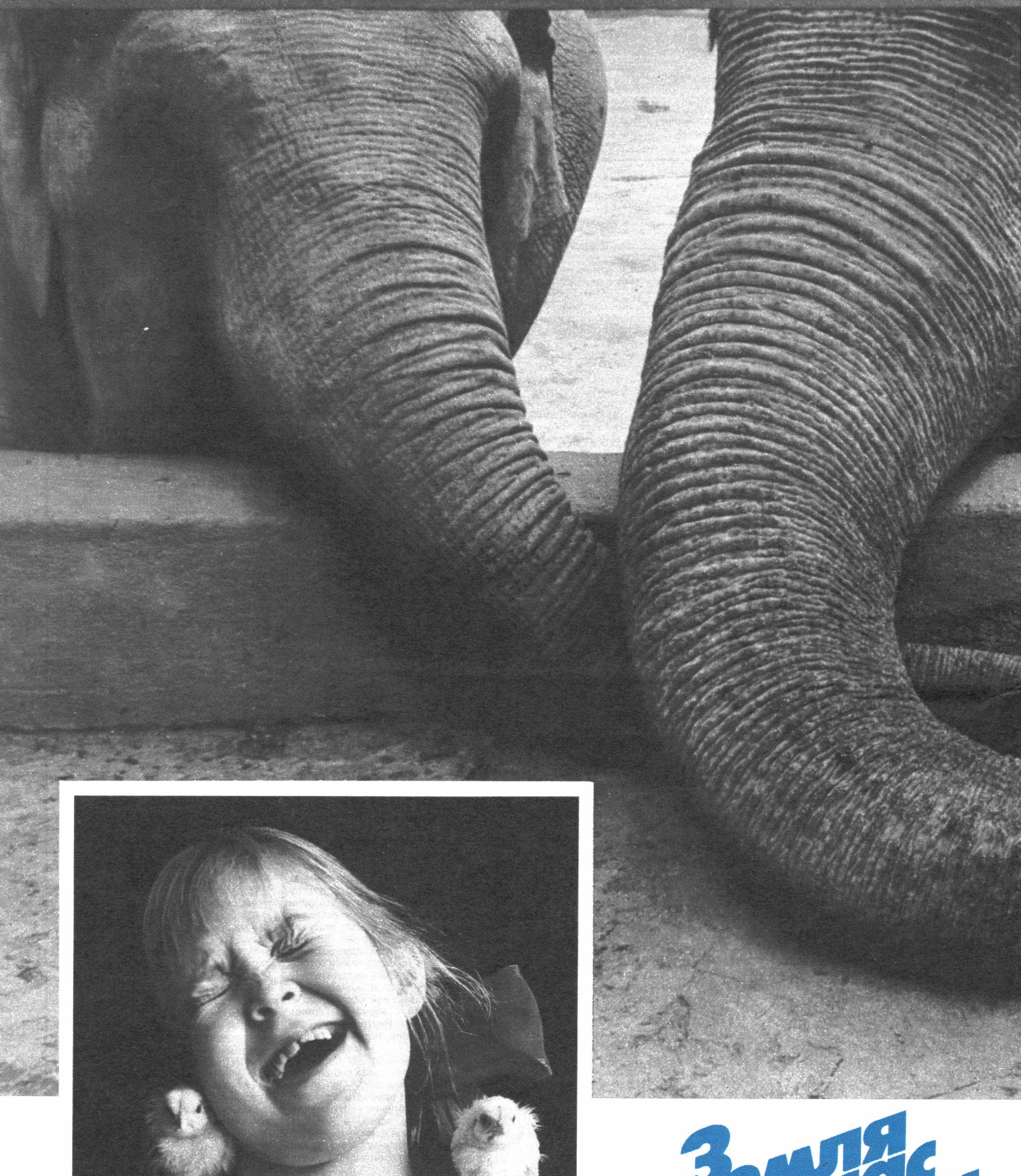
— Грозит ли что-либо майору?

— М-м-м...— Полковник избежал ответа.

Берегите майора, полковник. Теперь майор ученый, теперь он самый надежный майор в танковых войсках, и заряд его огромен. Он никогда не заговорит с прессой — разве что стоя в люке, через мегафон, направленный туда же, куда смотрит хобот орудия.

* * *

Мы стоим на площади. На нас смотрят глаза майора, глаза стволов и бельмо мегафона.

Земля у нас одна

ФОТОКОНКУРС

Фото
Георгия АРКАНТОВА
и Юрия ФЕДОТОВА

ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЗ МИРА

«...— Что хуже рака? Проказа!.. хуже тем, что вас еще живого исключают из мира. Отрывают от родных, сажают за проволоку. Вы думаете, это легче, чем опухоль?»

(А. Солженицын. Раковый корпус.)

Мы долго молчали об этой страшной болезни. Допускаю, что многие о ней просто не знали и не знают до сих пор. Те же, кто знал, врачи, например, давали компетентным органам обет молчания, подписку о неразглашении тайны. Для чего это делалось, мне не понять. Какой тайны, если, по свидетельствам врачей, лепра — так зовется эта болезнь — известна с древности? В народе окрестили ее проказой, больных — прокаженными. Проказа безжалостна, но убивает людей не сразу, а мучает долго — годами и десятилетиями. Она неизлечима, и все больные знают об этом. Не представляю, как можно жить с грузом такого страшного знания. Но они работают, учатся, страдают, любят, играют свадьбы, рожают детей. Впрочем, в Казахстанском лепрозории мне говорили, что случались среди больных и самоубийства...

Юрий ЛУШИН,
собственный корреспондент «Огонька»
Фото автора

Проказа непредсказуема и коварна. Болезнь может начаться с появления на коже малоприметного темного пятнышка, но если вовремя не принять необходимых мер, то ее течение приобретает грозный характер. Возникают все новые пятна, тело покрывается незаживающими трофическими язвами. Вместе с кожей поражаются периферические нервные стволы, кожа становится нечувствительной к боли (уколам, например) и воздействию температур (ожогам). Обычная царапина долго не заживает и часто превращается опять-таки в язву. Лицо ужасно преображается, приобретает застывшее, маскообразное выражение, перекашивается, если поражены лицевые мышцы. Но и этого проказе мало. Она ослепляет людей, укорачивает пальцы рук, фаланги их отпадают, и руки становятся похожими на тюленьи ласты. Она пробивает подошвы ног глубокими язвами, человек заживо загнивает, врачи в конце концов вынуждены ампутировать конечности... С древних времен проказа приводила людей в панический ужас. Прокаженных в средневековье изгоняли из селений, побивали каменьями, даже закапывали живьем. В иных местах больных заставляли носить на шее колокольчики, чтобы здоровые, услышав звон, могли уклониться от встречи с ними...

Наше время более милосердно к этим изгоям общества? Судите сами. Десятки лет больные лепрой содержались в лечебницах закрытого типа, проще говоря, в колониях, в обстановке строгой секретности, под охраной. Как известно, всякий секрет в нашем государстве маскировался под почтовый ящик. Есть «ящик» — нет проблем, забудьте о проказе. Казахский лепрозорий известен был узкому кругу лиц как почтовый ящик № 14. Если человек самовольно покидал его пределы, он выслеживался, вылавливался и водворялся обратно в «ящик» для принудительного лечения. Для его же пользы, конечно, и для пользы общества. (Кстати, и сейчас больной острой злокачественной формой лепры в обязательном порядке должен лечиться в стационаре, то есть в лепрозории, до того момента, пока врачи не посчитают, что он перестал быть опасным для окружающих. Больные в менее острой форме проходят курсы амбулаторного лечения, а близкие родственники всех заболевших тоже наблюдаются врачами в течение длительного времени, бывает — десятилетиями.) Подобных «ящиков» в Советском Союзе было около пятнадцати — в Прибалтике и Каракалпакии, на Кавказе и под Иркутском, в Астрахани и на Кубани... В настоящее время в нашей стране насчитывается немногим более четырех тысяч больных лепрой (из них 1271 человек в Казахстане).

По данным ВОЗ, общее количество прокаженных на земном шаре 10—12 миллионов, из которых наибольшее число в Индии — свыше 1,5 миллиона, в Западной Африке и Нигерии — по полмиллиона, в Бирме и Таиланде — 200 тысяч, в Индонезии — 100 тысяч, на американском континенте — почти 170 тысяч, в Европе — 25 тысяч... (Статистика до недавнего времени тоже считалась секретной.) Выходит, болезнь вездесуща? Не совсем так. Издавна было отмечено, что очаги лепры возникают чаще всего в устьях крупных рек, что они могут существовать столетиями в одних и тех же местах, но стоит удалиться от очага хотя бы на несколько десятков километров, как вероятность заражения и заболевания проказой исчезает. Эта загадка и до сих пор остается неразгаданной... Вообще в лепре почти все загадочно. Не потому ли эта болезнь всегда сопровождалась и поныне сопровождается мистическим страхом? Я испытал его на себе, когда выехал ранним утром в лепрозорий вместе с его сотрудниками на их служебном автобусе. Не стоило заглядывать в зубы этому железному коню, чтобы убедиться в его преклонном возрасте. И все же действительность превзошла мои предположения: не ожидал, что служит он уже более 20 лет. И все эти годы как минимум дважды в день (туда и обратно) он делал рейсы из Кзыл-Орды в лепрозорий — в поселочек Талды-Арал, столицу прокаженных.

«Боже мой, как этого престарелого железного коня самого еще не источила проказа,— подумал я, ошпаренный внезапно охватившим меня страхом,— ведь он, вероятно, весь нашпигован бактериями лепры...»

И все сорок километров до Талды-Арала меня мучила эта мысль. И долго я не знал, как от нее освободиться, как спросить. Я вглядывался в лица сотрудников лепрозория и не замечал в них и тени тревоги. Обычные люди ехали на обычную и привычную для них работу — каждодневно общаться с прокаженными, дышать с ними одним воздухом, касаться их кожи, менять повязки на их язвах, ампутировать руки и ноги, делать уколы, кормить с ложечки неспособных делать это самостоятельно. Правда, за «обычную» эту работу еще три года назад медикам платили надбавку в размере 30 процентов от заработка. Но три года назад с п/я № 14 сняли гриф секретности, а заодно сняли и надбавку. Значит, приплачивали за секретность? Или, может быть, проказа стала менее опасной? Увы, нет.

— Обратите внимание на тот участок, огороженный проволокой,— сказал Владимир Константинович Телегин, заместитель главного врача Казахского лепрозория, когда автобус вымахнул на окраину Кзыл-Орды,— здесь, начиная с 30-х

и вплоть до 60-х годов, размещался в старых бараках для австрийских военнопленных (времен первой мировой войны?!) наш лепрозорий. Когда же его перевели, то участок законсервировали, и двадцать лет на нем даже скот запрещалось пасти из-за угрозы возможного заражения. Теперь опасность миновала...

Вот как: двадцать лет человеку было опасно ступить на зараженную проказой землю, а люди, с которыми я ехал, всю жизнь проводят рядом с лепрой. И ничего с ними не случается? И не испытывают они страха?

— Вы никогда не боялись общаться с прокаженными? — спросил я Телегина.

— Боялся, когда был молод,— признался он,— еще как боялся. Тогда, в 50-х, мы проводили поголовное медицинское обследование опасной зоны Аральского моря, в устье Сырдарьи. За сезон, случалось, обнаруживали и привозили в лепрозорий по двести с лишним больных. Если не соглашались на лечение добровольно, брали силой. Родственники прокаженных прятали их в барханах, в дальних аулах, на островах Аральского моря, сулили взятки рыбой или бараниной за то, чтобы мы оставили больного. Они не понимали, что сами могли заразиться, и заражались ведь. Мы проводили осмотры сначала в резиновых перчатках, даже в противогазах. Такой был страх... Потом страх ушел, появилась осознанная осторожность, нажитая опытом, когда опасность чувствуешь кожей, интуитивно. Хотя нельзя сказать, что за последние десятилетия мы сильно продвинулись в познании лепры. Она по-прежнему полна загадок. Болезнь эндемична, то есть поражает людей в определенной местности, но отсутствует в соседней. Почему? Известен возбудитель проказы — микобактерии лепры. Но почему он не растет ни на одной питательной среде? Никакое животное лепрой не болеет, она передается от человека к человеку, но каким путем — в точности неизвестно. У больных родителей рождаются здоровые дети, но спасти их от дальнейшего неизбежного заражения проказой можно лишь одним способом — изолировать в раннем возрасте в специальный интернат. Жестоко? Да, но иного выхода нам проказа пока не дает. Сейчас при лепрозории, в соседнем с ним поселочке (где, кстати, живет часть наших сотрудников), есть такой интернат, в котором живут и учатся дети лепрозных родителей — двадцать три человека. Все здоровы.

— Сироты при живых родителях?

— Нет, они знают своих матерей и отцов, видятся с ними при свиданиях примерно раз в неделю. Более тесное общение, увы, небезопасно.

Приехав в Талды-Арал, я не мог не навестить этих детей. Пройдя от лепрозория по пыльной дороге два километра, я вошел в поселок, состоявший из полутора десятков одно- и двухэтажных домиков, среди которых вольно бродили коровы. Два из них занимал интернат. Он был почти пуст, потому что воспитатели и учителя уехали на огороды копать картошку. Две женщины показали мне жилые комнаты, обставленные простыми железными кроватями и тумбочками. В них витал запах бедности, давно поразившей наше здравоохранение. В холле первого этажа ребятишки смотрели телевизор, рассевшись прямо на полу. Потом принялись играть. Дети как дети, если бы не постоянно поселившаяся в их глазах затаенная печаль, словно отражение того несчастья, которое зацепило их судьбу. Такую подарил им случай, а другую они выбрать не могли. Я спросил, как им тут живется. Хорошо, ответили они хором. Дети есть дети...

Поселок самого лепрозория отличался от только что виденного тем, что перед двухэтажным лечебным корпусом торчали в газонах гипсовые бюсты Маркса и Ленина, а вместо коров бродили кошки. Архитектура же (вернее, ее отсутствие) — один к одному. За десятилетия бессменной вахты лики вождей мирового пролетариата покрылись шрамами, казалось, что они тоже страдают проказой. Не слышал, чтобы эти признанные гении внесли какой-то вклад в борьбу с лепрой. Уместнее, наверное, поставить здесь бюст американскому врачу Фейджету, сульфоновые препараты которого, изобретенные им в 1943 году, и поныне служат основным и самым эффективным средством борьбы с проказой. Покупаются они нашей страной за валюту, больным выдаются бесплатно, как бесплатно и их содержание здесь.

Столица прокаженных казалась пустой, хотя я уже знал, что в лепрозории — около двухсот больных. Пройти ее из конца в конец не составило труда. Мне показали котельную, дающую тепло всему поселку, овощные огородики, которые возделывают по своей охоте для общественных нужд персонал учреждения и способные к работе больные, клуб, где трижды в неделю кино, библиотеку, магазинчик для больных, который, впрочем, за неделю так и не открылся, столовую, в которой блюда готовились и по заказам, как в ресторане (надоест меню, если приходится лечиться по двадцать лет). Но и в обыденном меню, лично убедился, все и вкусно, и обильно (почти чудо при нашей продовольственной нищете). Мы прошли вдоль ряда пустых одноэтажных коттеджей. Ровесники тому железному коню-автобусу, на котором я приехал, они не выдержали конкуренции со временем, и теперь камышитовые их стены разваливались. Когда-то и в них обитали прокаженные, потом их стало меньше, и всех перевели в кирпичные двухэтажные корпуса...

Я увидел первых прокаженных — и будто кипятком плеснули в душу. На солнечном припеке у стены грелись старик со старухой — на двоих один глаз, три ноги да две здоровые руки. Старушка с руками-ластами к тому же совсем была слепа. Невидящие глаза ее двумя испорченными сливами страшно вылезли из орбит. «Боже,— подумал я,— хорошо, что она никогда не увидит себя в зеркале...» Сопровождавший меня врач поздоровался с ними, спросил, как дела. С изумлением я услышал ответ:

— Хорошо, только почему нам новых занавесок не дают, в прошлом году давали.

Проказа не убила в старушке женщину... Когда мы отошли, врач сказал, что больная впервые поступила в лепрозорий семнадцатилетней девушкой в начале пятидесятых. С тех пор и лечится с перерывами, у нее тяжелая форма лепры, которая постоянно дает рецидивы. Мы зашли в несколько комнат, в которых обитали больные. В одних обстановка состояла из железных кроватей, застланных солдатскими одеялами, другие были украшены коврами, цветными покрывалами, множеством подушек по казахскому обычаю, в них стояли телевизоры и даже холодильники. Мне объяснили, что больным, если у них есть такая возможность, разрешено обставлять свои комнаты по собственному желанию, ведь многие из них проводят в лепрозории всю жизнь. Тут лишний раз убеждаешься, что в нашем обществе «равноправия» существует, как и всегда существовало, разделение на богатых и бедных. Впрочем, проказа не щадит ни тех, ни других... В одной из комнат библиотекарша в белом халате (единственная защита от заразы) читала свежие газеты прокаженным. Их было человек пятнадцать, и половина — ослепшие. Они обернулись на стук двери, и мне показалось, что я попал на карнавал масок ужаса — так были обезображены болезнью их лица. Мне больно их описывать, и я не стану этого делать. Фотографировать там мне не разрешили... Выйдя на воздух, врач закурил, присев на скамейку у дома. Я продолжал стоять, и врач понимающе усмехнулся — на этой скамье только что сидели прокаженные, я не хотел ее касаться (но и сами врачи признавались, что опасаются говорить даже близким знакомым, чтобы не потерять дружбу, что работают в лепрозории).

— В каком возрасте люди наиболее подвержены заболеванию лепрой? — спросил я Никитина.

— Пожалуй, до сорока лет,— ответил он. Тогда и я небрежно опустился на край скамейки рядом с ним, поскольку уже забыл, когда перешагнул свой сорокалетний рубеж. Много ли нужно, чтобы вновь обрести бесстрашие? Но тут Владимир Константинович добавил: — Впрочем, отмечались случаи заболевания проказой и в более почтенном возрасте.— После добавки захотелось вскочить со скамейки и бежать куда подальше (немного надо, чтобы бесстрашие утерять).

— Долго ли живут прокаженные?

— Долго, несмотря на то, что лампрен и другие лечебные препараты плохо действуют на печень и почки. Есть и 80-летние, и 90-летние — все зависит от формы болезни.

— Есть ли случаи полного излечения?

— Ни одного, к сожалению. Лепра с удивительным упорством преследует свои жертвы. Человек может многие годы жить и казаться совершенно здоровым, а потом вдруг вновь заболеть. Известен случай, когда болезнь проявилась через сорок два года. Рецидивам помогают и стрессы, и алкоголь, и плохие социально-бытовые условия. Конечно, не каждый в опасной зоне должен заболеть, но инфицироваться может любой.

— Вы могли бы инфицироваться?

— Да, мог бы.

— И всегда знали об этом?

— Конечно.

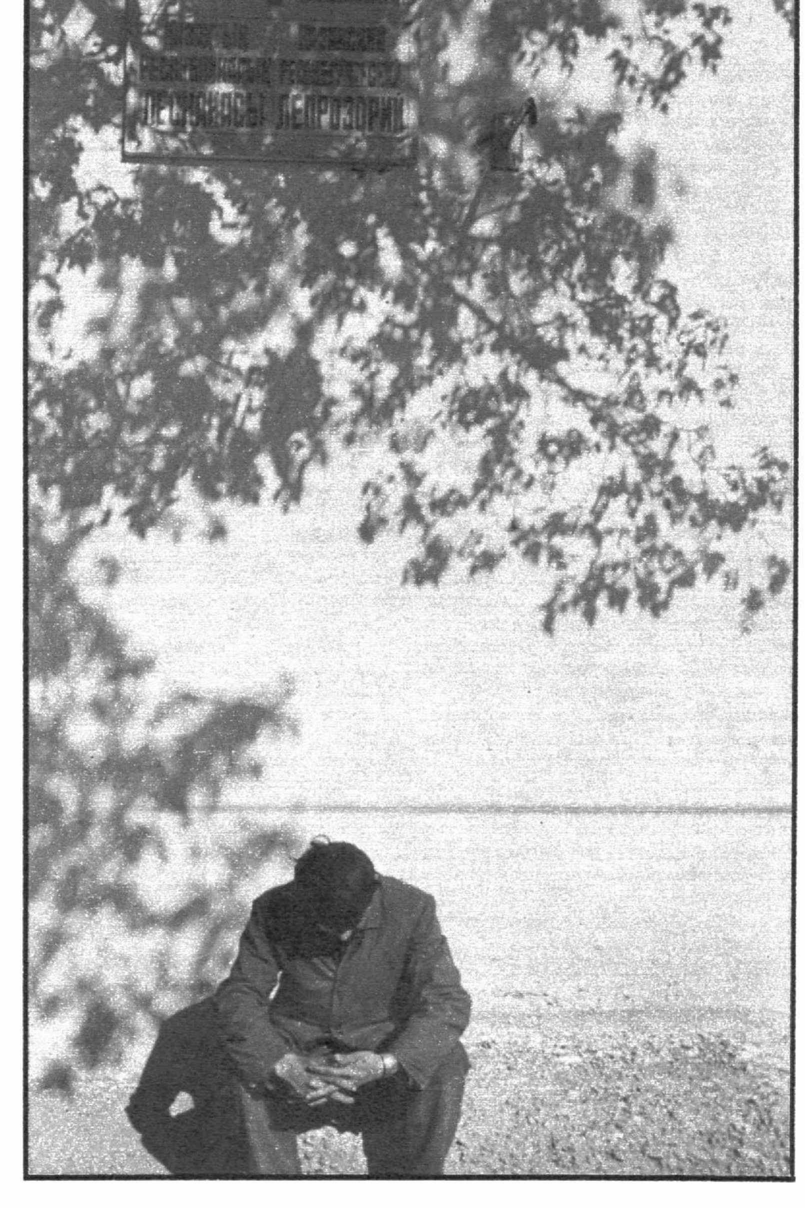
Я хотел спросить о себе, но боялся получить утвердительный ответ. И потом эта скамейка, до блеска вытертая одеждой больных...

— При входе в лечебный корпус,— сказал я, чтобы отвлечься,— висит оптимистический плакат: «Лепра будет ликвидирована как наследие прошлого!». Мы много различных наследий пытались уничтожить. Вы сами-то верите в эту сказку?

— Похоже на то, что это уже не сказка. Не так давно американские ученые, а затем и наши в Астраханском НИИ лепры сумели привить проказу животному — девятипоясному броненосцу. Значит, появилась надежда на получение противолепрозной сыворотки. Возможно, это случится к началу нового века.

«Дай-то бог»,— подумал я и снова вспомнил старый автобус. Для меня он стал символом состояния здравоохранения. Телегин мечтает о победе над лепрой и одновременно бьется над проблемой, где бы достать обычный сухопаровой шкаф, то есть стерилизатор. Об одноразовых системах переливания или шприцах и думать не приходится. Вот-вот рассыплется на молекулы автобус, и надо где-то доставать новый. Именно доставать. И так во всем. В каком же веке наше здравоохранение?

В последний раз я шел по главной аллее столицы прокаженных. Лики вождей хмуро смотрели мне в спину. Пространство, залитое солнцем, было привычно пустынно. Здешние больные не любят яркого света. Где-то прозвенел колокольчик. Или показалось?

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЕ КОММЕРЧЕСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ «ОРТЭКС» ПРЕДЛАГАЕТ:

«ОРТЭКС» НЕ ЖДЕТ РЫНКА — ОН ЕГО ФОРМИРУЕТ, ДЕЛАЯ ВАШИ РУБЛИ СВОБОДНО КОНВЕРТИРУЕМЫМИ СЕГОДНЯ. ИМПОРТНЫЕ ПОСТАВКИ ОРГАНИЗАЦИЯМ — ПО РЫНОЧНЫМ ЦЕНАМ С ОПЛАТОЙ ТОЛЬКО В РУБЛЯХ (ПРОДУКЦИЯ ВЕДУЩИХ ФИРМ ЯПОНИИ, США, ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ, ЮЖНОЙ КОРЕИ).

ОРГТЕХНИКУ И СРЕДСТВА СВЯЗИ
телефонные аппараты; телефонные аппараты с автоответчиками; телефаксы; фотокопировальные машины формата А3, А4; электронные печатные машинки с русским и латинским шрифтом; диктофоны; настольные бухгалтерские калькуляторы; калькуляторы с печатающим устройством; термобумагу для телефаксов; картриджи для фотокопировальных машин формата А4.

ТЕЛЕВИДЕОАППАРАТУРУ И ОБОРУДОВАНИЕ
телевизоры (экран от 36 см до 72 см); видеомагнитофоны: VHS PAL/SEKAM, VHS multysistem, видеоплейеры, видеокамеры: VHSmovie, проекционные телевизоры.

БЫТОВЫЕ ЭЛЕКТРОТОВАРЫ
кондиционеры; портативные дизель-генераторы; холодильники; морозильные шкафы; электрические и газовые плиты; СВЧ-печи; пылесосы; кухонные комбайны; швейные, вязальные, стиральные машины.

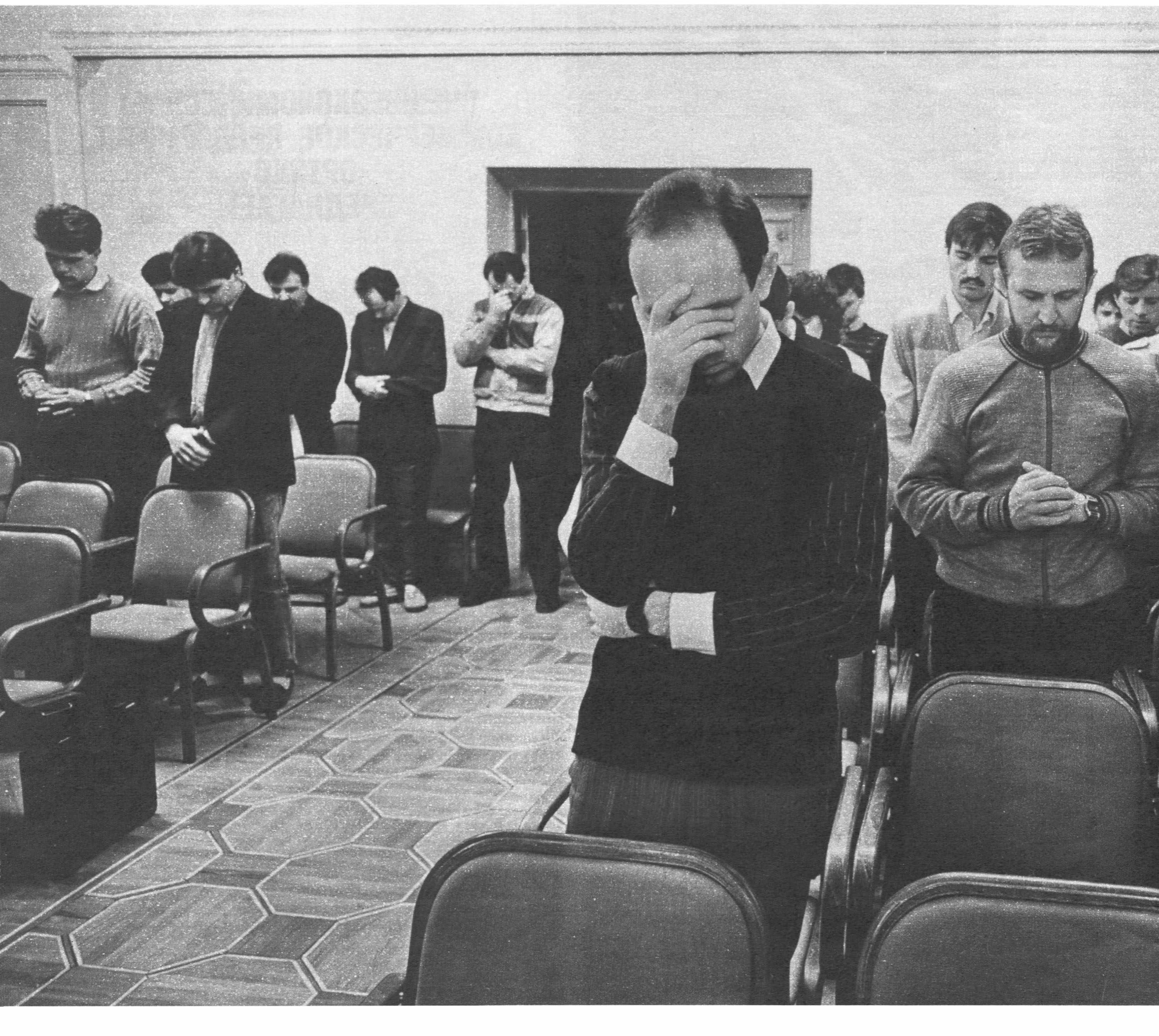
МЕДИЦИНСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ И ОБОРУДОВАНИЕ
ультразвуковые скэннеры; электрокардиографы; аппаратуру для электрофизиологических исследований; энцефалографы; транспортные инкубаторы; стоматологическое оборудование, инструменты, материалы; одноразовые инструменты.

НОВЫЕ ЛЕГКОВЫЕ АВТОМОБИЛИ, МИКРОАВТОБУСЫ, ДЖИПЫ
форд «Транзит»; линкольн «Континенталь»; «Мерседес-200Е», 300SE; «Вольво-460GL»; опель «Омега»; фольксваген «Пассат»; мицубиси «Ланцер»; мицубиси-джип «Пажеро»; джип «Чероки»; ниссан «Патрол»; автобус «Мерседес-0303» (49 мест); автобус «Неоплан» (77 мест).
Единичные, мелкооптовые поставки организациям по договорам лизинга в сжатые сроки. Оплата по аккредитиву либо депозиту!

Наш адрес:
117593, Москва, «ОРТЭКС»
телекс: 131310 ORT SU
факс: (095) 426-4500
(095) 426-6400
(095) 427-6410
телефон для справок:
427-11-01 (5 линий)
427-57-36
427-66-11

Украинское представительство:
г. Киев-1,
гостиница «Москва»,
«ОРТЭКС»
факс: (044) 229-3721
тел.: 229-17-41
229-02-38
229-37-21

ЭКАРТ

ОКНО НАДЕЖДЫ

Душа гибнет в безверии. Ей нужно к чему-то прилепиться, на что-то опереться. Найти пример для подражания — «делать жизнь с кого». Неужто и впрямь по совету певца революции — с товарища Дзержинского? Впрочем, каждый выбирает для себя, ибо человек от рождения наделен разумом и свободной волей. И кто же наши кумиры? Сталин или Кашпировский? Певица Пугачева или футбольный «Спартак»? Где-то сбросили памятник Ленину. В другом месте водружают Стеньку Разина. Один культ сменяется другим. Мы, страна воинствующего атеизма, погрязли в идолопоклонстве, точно древние язычники. Не из-за того ли страдаем? СПИД, Чернобыль, гибнущие реки и моря, растущая преступность, мои близкие друзья покидают родную страну, страшась погромов... Да как жить-то?

В таких размышлениях бродила я в окрестностях духовной семинарии адвентистов Седьмого дня после проповеди на субботнем богослужении. Пастор говорил о свете надежды, которую дарует человеку вера в Бога. О Его милосердии и любвеобильной заботе, которую может получить каждый, нуждающийся в духовной поддержке. И мне, воспитанной на богоборческих идеях по школьному Чарлзу Дарвину и Карлу Марксу, Емельяну Ярославскому и Лео Таксилю, в свое время преданной пионерке и комсомольской активистке, его речи не казались чуждыми.

Семинария, готический силуэт которой соединился со среднерусским сельским пейзажем неподалеку от Тулы, вносит благие перемены в размеренную жизнь поселка Заокский, ближних и дальних окрестностей.

Едва новорожденная демократия сняла с религии многолетнюю опалу, в ту пору, когда забрезжил вдалеке Закон о свободе совести, христиане-адвентисты покинули свои «катакомбы» и принялись утверждать его гуманные принципы словом и делом. Чтобы убедить читателей в этом, достаточно было бы просто перечислить все доброе, что делают адвентисты ради служения людям, Отечеству. Но мне кажется, важнее поискать ответы на вопросы, почему они поступают так, а не иначе? Что ими движет?

Чтобы понять другого человека, надо посмотреть на мир его глазами. И я решила познакомиться с общиной заокских адвентистов, так сказать, методом погружения: по ее любезному приглашению прожила здесь десять дней.

Елена КОПЫЛОВА
Фото Павла КРИВЦОВА

ВОЗРОДИСЬ ВО МНЕ БОГ

ДЕСЯТЬ ДНЕЙ В ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ АДВЕНТИСТОВ

ЧЕРНЫЕ ДНИ МИНОВАЛИ

«Я радуюсь» — похоже, излюбленная фраза председателя Всесоюзного совета Церкви Адвентистов Седьмого Дня (АСД) Михаила Петровича Кулакова. «Я радуюсь»,— часто повторяет он в проповедях, в беседах на мирские темы. И это не риторическая фраза. Поводов для радости у него действительно немало.

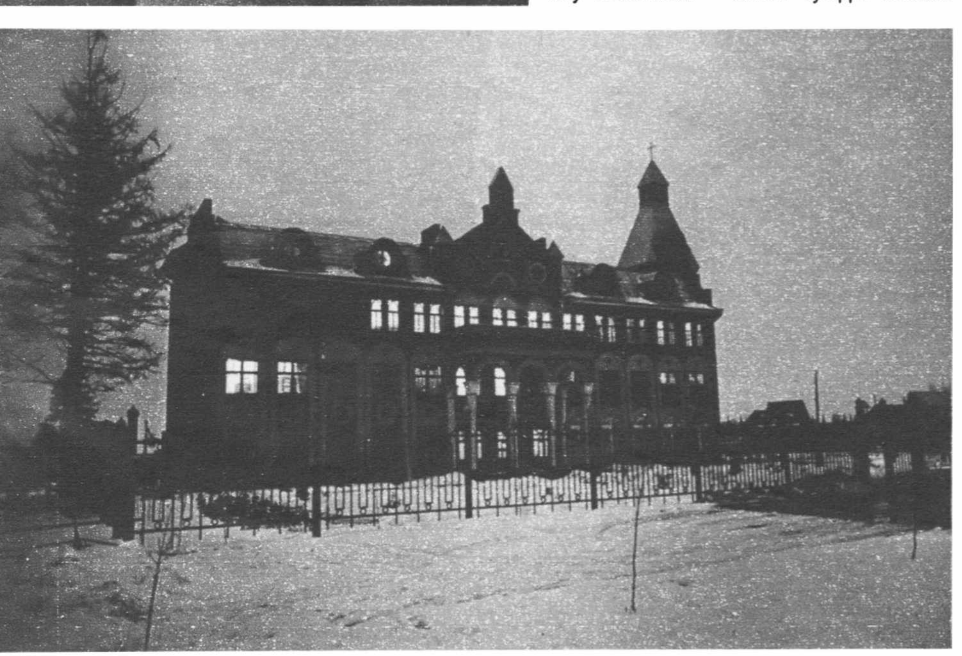
С 1928 года советские христиане-адвентисты ходатайствовали об открытии собственного учебного заведения. И лишь недавно благодаря перестройке получили такую возможность. В марте 1987 года на месте развалин старого здания в поселке Заокский Тульской области началось сооружение административно-духовного Центра Церкви АСД. Это была поистине историческая всенародная стройка: в ней приняли участие почти две тысячи добровольцев — адвентисты со всех концов страны.

Одновременно со строительством были открыты заочные библейские курсы. А в сентябре 1989 года 24 молодых человека поступили на очное отделение, чтобы получить высшее богословское образование.

Издательский отдел Центра имеет возможность выпускать газету «Слово примирения» и совместно с единоверцами из Финляндии — красочный журнал «Знамения нового времени», а также «Взаимопонимание» — вместе с собратьями из США. Строится типография, рассчитанная на выпуск миллиона Библий в год.

Доктор Джейкоб Миттлайдер, адвентист из Америки, основал и ведет вместе с ассистентами курсы на сельскохозяйственном отделении семинарии.

В середине тридцатых годов Церковь АСД ликвидировали. Исповедуемые адвентистами ценности: неповторимость каждой человеческой личности, братолюбие, веротерпимость, непротивление злу насилием — были чужды тотали-

тарному режиму. По словам А. И. Солженицына, власть боится не тех, кто против нее, и не тех, кто с нею, она боится тех, кто выше ее.

Библия попала в разряд запрещенных книг, и требовалось бесстрашие, чтобы не только самому читать ее, но и проповедовать. Отец Михаила Петровича, пастор, был среди тех, кто организовал подпольные библейские курсы.

«Вредную религиозную секту» раскрыли, ее участников примерно наказали. Почти все служители Церкви и около трех тысяч верующих, включая семью Кулаковых, были репрессированы. Двадцатилетний Михаил испил свою чашу страданий — получил пять лет лагерей. И лишь смерть Сталина подарила ему свободу.

У Михаила Петровича с Анной Ивановной шестеро любимых детей, и все они могут теперь спокойно жить на свете и трудиться для Церкви.

Две старшие дочери — Мария и Евангелина — замужем за пасторами. Младшая — Лена — учится на филфаке и работает в канцелярии Центра.

Старший сын — Павел, проповедник московской адвентистской церкви,— возглавляет Международный отдел церкви АСД в СССР и занимается созданием медицинской миссии в Москве. В столице адвентисты с помощью зарубежных собратьев открывают свою клинику, оснащенную самой современной техникой, а также строят фабрику детского питания. Во Владимирской области адвентисты получили 50 гектаров земли для создания санатория, где смогут лечиться люди, страдающие от последствий нездорового образа жизни. Программа оздоровления разработана американскими адвентистами в институте «Идем Вали» (Эдемские долины) и осуществлена в пятидесяти санаториях, построенных в разных странах. Финансируют строительство санатория во Владимирской области американские адвентисты.

Младший из братьев Кулаковых — двадцатишестилетний Петр — журналист. При его участии готовятся адвентистские издания в СССР и передачи международного адвентистского радиовещания.

Средний брат — тридцатилетний пастор Михаил — ректор Заокской семинарии, ведет богословские дисциплины, а также курс искусства общения. Образование получил в английском духовном колледже, являющемся филиалом знаменитого Университета Эндрюса (США).

В основе учебной программы Заокской семинарии — разработки этого университета. Поэтому советским семинаристам, возможно, вручат, кроме отечественного, американский диплом, свидетельствующий о том, что они выпускники Университета Эндрюса.

КТО ОНИ?

Семинария живет открыто и гостеприимно. К студентам приезжают погостить друзья, навещают родители. На праздничные субботние богослужения собираются несколько сот человек. Экскурсионные автобусы привозят жителей близлежащих городов. Почти две с половиной тысячи человек в месяц посещают семинарию только с организованными экскурсиями. Преподаватели и семинаристы не скупятся на ответные визиты. Выступают в школах и домах культуры с лекциями и благотворительными концертами, сборы от которых перечисляются в Детский фонд имени Ленина.

«Почему они не в рясах?» Такой вопрос часто задают впервые попавшие в семинарию люди. Иные разочарованы: ожидали увидеть экзотических сектантов, а встретили самых обыкновенных людей, жизнерадостную молодежь без всяких признаков аскетизма и фанатического огня в глазах.

Кто же они, семинаристы?

В очную группу богословского отделения принимают мужчин до 25 лет, обязательно отслуживших в армии. Будущие абитуриенты сначала проходят конкурсный отбор в своих общинах, потом в регионе (в первом очном наборе, например, есть армянин и украинцы, молдаване и русские, выходцы из поволжских немцев и коренные сибиряки) и, наконец, допускаются к экзаменам. Кроме специальных знаний, приемная комиссия старается оценить личные качества абитуриентов.

За обучение семинаристов платит пославшая их на учебу община, стипендия — 140 рублей. Не так уж много, если учесть, что на эти деньги студент питается в кафетерии семинарии, приобретает учебную и духовную литературу, не говоря уже о разного рода пожертвованиях.

Половина семинаристов — люди семейные, некоторые уже и детишками обзавелись. Юные жены будущих пасторов самоотверженно делят с ними тяготы неустроенного временного быта. Но, похоже, этим семейным лодкам не грозит разбиться о быт.

— Я привык доверять Богу даже самые мелкие свои желания, даже когда собираюсь в булочную,— говорит Игорь Борух.

Он родом из Львова, бывший лейтенант пожарной части, бывший комсомолец. Когда на работе узнали, что верующий, затормозили продвижение по службе. Игорь обиделся и ушел совсем. Зарабатывал шитьем, малярными работами — жена не жаловалась на безденежье. Если бы не представилась возможность поступить в семинарию, подавал бы в медицинский. Теперь понял, что его призвание — духовное поприще.

— Что дала мне вера? Я научился прощать обиды и жалеть своих недоброжелателей. Ибо не ведают, что творят...

Я познакомилась со студентом-филологом (получать одновременно с духовным еще одно образование, разумеется, заочно, не возбраняется), несколькими медбратьями, фельдшером, пчеловодами.

Да, они очень разные. Но когда узнала их поближе, увидела в классе и на студенческом вечере, поющими в хоре на богослужениях, одетыми празднично и в рабочие спецовки, у меня сложилось впечатление, что семинаристов словно специально подбирали по «особым приметам». Стараясь отыскать у них общее, наконец, поняла: они светлые, одаренные. И мне бы хотелось иметь среди них друзей.

Сюда приятно возвращаться снова и снова, признаются многие гости семинарии. Зачем? Ах, так ясно: отдышаться от суеты, запастись душевной энергией, погреться у огня в этом красивом доме, который не имеет запертых дверей и открыт для всех, кому недостает тепла.

В семинарии меня поразили не компьютеры, не микроавтобус-«фольксваген», подаренные, как и многие другие плоды цивилизации, зарубежными братьями-единоверцами. Непривычной — увы! — была неизменно доброжелательная атмосфера. Благость и покой царят в сей обители, взаимная забота и помощь. И это вовсе не выставочное благолепие. Они живут так всегда. А я приехала к ним словно из другого мира, где люди бывают веселыми и добрыми только по большим праздникам. Обычное же состояние большинства — озабоченность, замкнутость, агрессивность...

Мы гордо называем XX век веком атома, космоса, электроники. А если подумать, кому все это нужно, если брат все ожесточеннее восстает на брата? Максимализм Достоевского: все счастье мира не стоит слезы одного ребенка — предупреждает от произвола и вседозволенности. Цель оправдывает средства? Никогда! Дурные средства искажают самую благородную цель, уводят от нее. Неужто человечество в этом еще не убедилось? История учит нас, что насилие рождает новое зло, насилие, и ничего больше. Почему же мы, живущие на шестой части земли, так похожи на ветхозаветный народ, который Бог выводил из плена, а в народе роптали, любя рабство больше, чем свободу? Оно хотя и мерзко, зато привычно. А там, на пути к земле обетованной,— тревоги и опасности. Неужто прав тот, кто сравнил Россию с женой, сидящей в ожидании при дороге?

На мой взгляд, обвиненная некогда в мракобесии христианская религия, призывая не унывать и верить в высшее благословение добрых дел,— то самое, без чего никакой прогресс вообще невозможен.

Мы все хотим жить хорошо. Да как это сделать? Грезили о светлом будущем до революции и после нее, до перестройки и нынче. Но вот вопрос: почему благие намерения то и дело заводят нас в места, весьма отдаленные от рая? Может быть, потому, что все както забываем главное условие, без которого ничто доброе на свете не совершается: люби ближнего своего, как самого себя...

Большинство семинаристов получили религиозное воспитание в семье. Но есть среди моих новых знакомых адвентисты в первом поколении, принявшие веру независимо от родителей. Они за-

интересовали меня особенно. Хотелось понять, как такая метаморфоза может случиться с моим молодым современником?

МОЙ ОКНА И НЕ ОТЧАИВАЙСЯ

Александр Судиловский родом из Одессы. Молодой отец, очень заботливый. С юмором у него все в порядке. Саша — летописец Заокского, редактор абсолютно бесцензурной газеты «Вечерняя семинария». Склад ума — философский, склонен к рефлексии и самоанализу. Он рассказывал о себе подробно, часто угадывая мои еще не заданные вопросы, словно вел диалог с самим собой, словно самому себе пытался объяснить, почему он живет вот так и никак иначе не может.

— В Одессе после армии зарабатывал мытьем окон, хотя была профессия — техникум окончил. Пытался устроиться по специальности, но встретил яростное сопротивление. Адвентистов на работу тогда принимали трудно...

Саше было лет 15 (учился на третьем курсе), когда отец рассказал, что встретил интересных людей, они ему понравились, оказалось — верующие. Позвали в церковь, он стал к ним ходить, потом привел туда семью. Маме тоже понравилось, но верующими родители так и не стали, остались, как говорят, приближенными.

— Я с ними сначала не ходил. Мне все это тогда было вообще неинтересно. Но задумывался, куда себя приложить. Искал смысл жизни. Совершенно не связывал свое будущее с церковью, потому что видел: отца общение с адвентистами ничуть не изменило. А что слова? Пустое. Проучившись почти до конца в техникуме, понял, что ошибся, неправильно выбрал профессию, но бросать не хотел. Я тогда занимался в спортивной школе — играл в футбол и чуть было не попал в юношескую команду «Черноморца». Мог бы стать профессиональным футболистом. Но не стал. Почему? Думал: «Вот играю за «Черноморца» в Киеве. Конечно, если моя команда победит, то полмиллиона одесситов сойдет с ума от радости, повысится производительность труда. Но ведь при этом сотни киевлян получат инфаркт от огорчения! Так? Осчастливив одних, я сделаю несчастными других».

Нет, не годится. А так хочется, чтобы всем было хорошо. Но как это сделать? Ради чего я живу?

И когда пришел в церковь, нашел ответы на вопросы. И отправился учиться в семинарию, чтобы информацию, которую получил о Боге, передать другим. Чтобы люди поняли: счастье, полноценное и вечное, дает Бог.

Боюсь, что меня заподозрят в корысти, но еще больше боюсь, что я сам ищу каких-то выгод. Но вроде бы нет. Нет! Меня убеждает пример многих. Вот все ребята до семинарии хорошо жили, имели работу, деньги, люди трудолюбивые. Но оставили свое дело ради учебы и пасторской деятельности. Директор семинарской библиотеки Хойки Сильвет бросил работу в Эстонской академии наук и переехал жить с семьей в Заокский...

Я прервала монолог, чтобы узнать: неужели он считает, что счастье возможно только в религии? Да и что такое счастье? Вот одна моя знакомая так говорит: главное в жизни — любовь и творчество. Остальное — ерунда.

— Да, это так. Но что делать людям, которые не смогли достичь желаемого? У них на пути столько препятствий, но не все же обладают такой целеустремленностью, чтобы их преодолеть. А как быть больным, бедным, заключенным? Как сделать всех счастливыми? Есть же люди, у которых нет здоровья и богатства, но они все-таки счастливы, так?

Я не знаю, откуда бы черпал моральные силы, откуда бы набрались оптимизма те, кто строил Центр, если бы им не помогал Бог. Если верить Ему, то тогда в этой жизни нет проигравших. Это как в Олимпийских играх: важна не победа, а участие. Я чувствую себя марафонцем, который спокойно бежит свою дистанцию, зная, что позади едет автобус и подберет всех упавших.

Вы не верите мне? Да, это каждый должен испытать сам...

ТРУЩОБЫ ДУШИ

Морозным днем в начале марта в колонии строгого режима, что в пятистах километрах на север от Свердловска, произошло для таких мест из ряда вон выходящее событие. Рецидивист Николай К-ов принял крещение в Церкви Адвентистов Седьмого Дня. Прецедент был столь необычен, что администрация колонии не решилась взять на себя бремя ответственности и разрешения Николаю пришлось добиваться в Москве, в Министерстве внутренних дел. И поскольку за год до того тогдашний министр В. В. Бакатин лично вручил адвентистам список тюрем и колоний, чтобы они совершали там свое служение, препятствий К-ву не чинили.

Крестил его пастор Евгений Владимирович Зайцев, преподаватель Заокской семинарии, о существовании которой Николай узнал случайно. Находясь на пределе отчаяния, написал в Заокский — тому, «кто откликнется». Переписка длилась более двух лет. Я видела одно письмо — исповедь на листе бумаги в половину моего письменного стола.

Этот случай стал поворотным не только в судьбе одного узника, но и других. Свидания им разрешены раз в год, не более трех дней. Для адвентистов же теперь сделано исключение. Они смогут приезжать в любое время и неограниченно общаться с заключенными. Прощаясь, начальник колонии попросил пастора записать на пленку несколько проповедей, чтобы передавать по радио.

У этой истории необычайное продолжение. Николай изменился настолько, что его друзья в семинарии нашли возможным удовлетворить его просьбу — принять учиться на заочное отделение богословского факультета.

Евгений Владимирович Зайцев до Заокской семинарии был врачом-педиатром, десять лет проработал на «Скорой помощи». Ребятишки его, говорят, обожали. Узнав однажды, что он собирается переезжать в другой район, где семье обещали квартиру, родители маленьких пациентов составили делегацию и отправились сражаться за любимого доктора. Ради своей новой миссии он оставил налаженную жизнь и ничуть о том не жалеет. В то, что у мирских людей называлось бы общественной нагрузкой, он вкладывает душу. Будь это участие в деятельности Благотворительного фонда «Огонек» — «АнтиСПИД». Или шефство над Алексинской колонией несовершеннолетних, куда он ездит почти каждое воскресенье.

Офицеры-воспитатели в колонии, вначале в штыки принявшие верующих, теперь и сами задумались, отчего это тихую, без назиданий проповедь заключенные слушают с бо́льшим интересом, чем их собственные, безусловно, справедливые внушения. И сами теперь прислушиваются к этим проповедям. Потому что одно дело — вытащить человека из трущобы и совсем другое — трущобу из человека. Это труднее. Но это единственный способ не дать ему озвереть, помочь очеловечиться.

Идут и идут письма в семинарию.

Удивляюсь оптимизму, душевной щедрости тех, кто взваливает на себя тяжесть чужой беды. Семинаристы и их жены, преподаватели, строители — словом, многие члены общины верующих имеют по нескольку таких корреспондентов.

Я читала эти «крики души» и вдруг поняла, что под ними могут подписаться очень многие — и не только те, за забором с колючей проволокой, но и живущие по сторону эту.

Писателей-сатириков часто упрекают: дескать, свои нехитрые сюжеты из пальца высасывают, анекдотиками пробавляются и беспощадно критикуют правительство ровно настолько, насколько оно само разрешает. Что ж, наверное, бывает и так... Однако сегодня хочется предложить вам юмористический (слово-то какое одиозное!) рассказ, который они даже связан с жизнью. И со смертью тоже, несмотря на вышеозначенный жанр. Отойдя от традиции нашей рубрики, решено не иллюстрировать его рисунками хорошего художника Вити Коваля, а органично вплести в текст несколько «живых» фотографий, сделанных Александром Степаненко в роддоме поселка Умба Мурманской области.

Раздел юмора по-прежнему куда-то ведет Игорь ДВИНСКИЙ.

ЧОКНУТЫЙ

Лион ИЗМАЙЛОВ
Валерий ЧУДОДЕЕВ

У нас в Монреале меня зовут Майкл Дринофф. На самом же деле фамилия моя Дрынов. Михаил Дрынов. Дело в том, что предки мои — выходцы из России. Мой прапрапрадед служил лекарем при дворе Екатерины Второй. Императрица не раз призывала его на помощь, порой даже среди ночи, когда случалось, что занемог князь Потемкин. И он успешно пользовал князя, а впоследствии и саму Екатерину. За это ему был пожалован княжеский титул и имение Большие Дрыны, откуда, собственно, и пошла наша фамилия.

Прапрадед мой служил полковым врачом, дошел с русской армией до Парижа, где успешно излечил многих наших гусар от разных французских болезней. За это он был удостоен награды, которую наша семья хранит как реликвию. Это кружка Эсмарха с благодарственной надписью «Спасителю чести и славы нашего оружия».

Прадед мой был помещиком, но слыл большим демократом, поскольку нещадно сек крестьян только за дело и жил даже с не очень красивыми девками. В результате, когда крепостное право отменили, крестьяне наотрез отказались уходить на волю. Особенно девки. Как он их ни уговаривал, как ни порол, крестьяне упирались и кричали: «Отец родной, не дай пропасть, не гони, а не то враз дом спалим!» Прадед пожалел и крестьян, и дом, за что впоследствии крестьяне спалили всю его усадьбу.

Дед же мой был земским врачом, дружил с Чеховым и основал в нашем селе больницу, которая славилась на всю округу. Дед на свои средства оборудовал ее по последнему слову медицинской науки и сам врачевал больных за умеренную плату. Весть об Октябрьском перевороте застала деда в операционной. Сестра милосердия вбежала с криком:

— Доктор! В приемном покое мужики с вилами. Вас требуют!

— Чего хотят? — спросил дед.

— Говорят, что свободы, равенства и спирту.

— Спирту выдать,— распорядился дед,— а свободы не давать!

Уже через год наша семья оказалась перед дилеммой: покинуть Россию и стать эмигрантами либо остаться на Родине и стать трупами. Рассказывают, что решающее слово оказалось за прадедом. Он сказал: «Последнее, что мы могли бы сделать для этой многострадальной земли, это удобрить ее своим прахом. Но они не сумеют ни посеять, ни собрать урожай. А коли и соберут, в одночасье и сгноят. А гнить вторично не вижу смысла». В результате я родился в 1940 году в Канаде.

И дед мой, и отец, а впоследствии и я успешно практиковали, открыли собственные клиники и имели, как говорится, все, о чем только можно мечтать. За исключением одного. Самую главную мечту — побывать на родине предков — удалось осуществить только мне в 87-м году. Я, разумеется, предполагал, что найду мало общего с теми фотографиями, что хранятся в нашем семейном альбоме, но действительность превзошла все мои ожидания.

Бывшее село преобразилось в поселок городского типа имени Десятой годовщины солидарности с борющимся народом Гвинеи-Бисау. Старушка, у которой я поинтересовался, сохранился ли дом, где раньше жили господа, бойко ответила: «А как жа! Оне и чичас там». На парадном крыльце меня остановил милиционер и потребовал пропуск. Когда я объяснил, что в этом доме некогда жил и работал мой дед, он взял под козырек и отчеканил: «Здравия желаю, товарищ Орджоникидзе!» — И сразу принялся куда-то звонить.

Не успел я войти в холл, как мне навстречу уже бежал перепуганный насмерть молодой человек. Представившись референтом, он сбивчиво объяснил, что какого-то первого вызвали в область к самому, но второй послал третьего, так как сам должен выдвигать первого на партконференцию от свинофермы. Узнав, что я всего лишь врач из Канады, молодой человек облегченно вздохнул и, взяв предложенную ему сигарету «Мальборо» вместе с пачкой, вызвался подбросить меня до больницы.

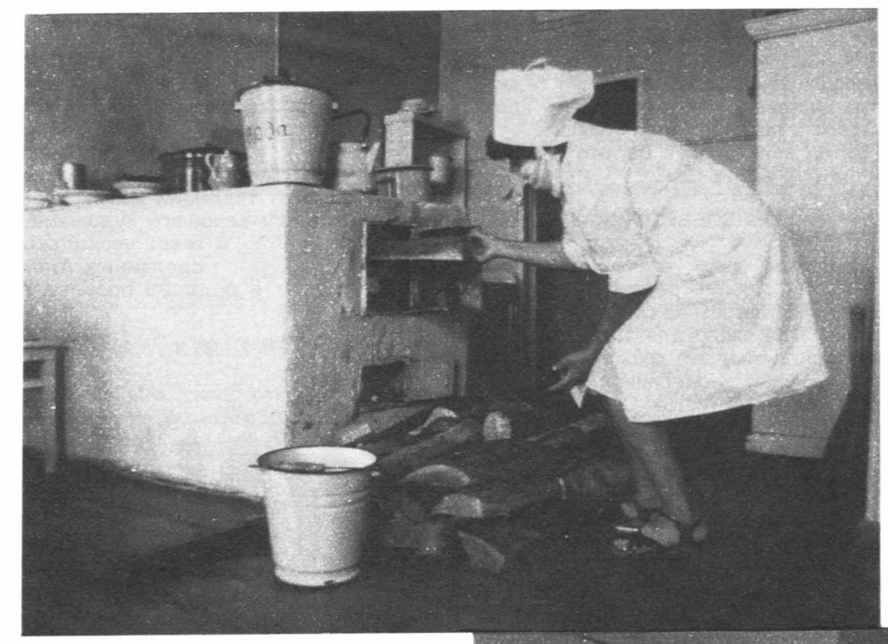
Больница наша стояла на пригорке, метрах в двухстах от дома, но мы поехали туда в объезд, подпрыгивая на ухабах и увязая в грязи. На мой вопрос: «Нет ли более короткой дороги?» — шофер ответил: «Есть, но там покрытие хуже». Наконец, часа через полтора мы ухнули в яму под вывеской «Городская клиническая больница имени Черненко».

— Кто этот Черненко,— поинтересовался я,— знаменитый врач?

— Нет,— ответил референт,— знаменитый больной.

Посреди двора стоял памятник Ленину. В одной руке у Ленина была кепка, другой рукой он указывал в сторону морга, на котором висел лозунг «Решения партии — в жизнь!».

Больница выглядела как на старой фотографии, если бы не больничное белье, которое сушилось на веревке между колоннами. Вблизи здание оказалось обшарпанным, местами из-под обвалившейся штукатурки торчала дран-

ка. Я поинтересовался, проводилась ли реконструкция.

— Частично,— сказал мой спутник,— парадный вход кирпичом заложили и два флигеля на дрова сожгли.

В дверях больницы, пошатываясь, стоял человек в ватнике, надетом поверх белого халата. Человек этот оказался главврачом. «Прошу!» — сказал он и, попытавшись щелкнуть каблуками кирзовых сапог, свалился с крыльца. Мы вошли в больничный коридор. Вдоль стен стояли кровати, а больные лежали рядом на полу.

— Белье меняем,— пояснил главврач, пытаясь ухватиться за спинку кровати.

Медсестер я не заметил. Вместо них по коридору прохаживались мужчины в синих, заляпанных краской халатах. В больнице шел ремонт. На мой вопрос: «Давно ли?» — главврач ответил: «С войны. Переходим из палаты в палату. В последней заканчиваем, в первой начинаем». Свои пояснения он давал, держась за свежевыкрашенную стену.

На ближайшей кровати застонал человек с перевязанной головой, в телогрейке и резиновых сапогах: «Пить! Пить!»

— Заткнись! — сказал главврач.

— Может, все-таки дать больному воды? — предложил я.

— Обойдется.

— А какой у него диагноз? — спросил я.

— Диагноз? Да штукатур это. Отходит после вчерашнего.

— Но почему он лежит на кровати в резиновых сапогах?

— Так ведь осень на дворе,— логично объяснил главврач.— А теперь сюда пройдемте,— добавил он и надел марлевую повязку.

— Тут что, инфекция или вы нездоровы? — поинтересовался я.

— Еще чего не хватало! Это просто меня мутит по утрам от краски. Вот,— сказал он, открывая спиной дверь,— полюбуйтесь. Наша лаблатория.

Я увидел трех женщин. Одна из них полой халата протирала пробирки. Вторая штопала чулок, натянув его на медицинскую утку. А третья варила картошку в зеленом ведре с надписью «Бинты».

— Анализы сделали? — строго спросил главврач.

— Сделали,— ответила одна, пряча утку под халат.

— Лейкоцитов много?

— Пять,— ответила женщина.

— На всю больницу? — удивился главврач.

— Нет, на одно койко-место.

— Лады,— сказал главврач, и мы перешли в рентгеновский кабинет.

Заведующая кабинетом объяснила: «Здесь больные выпивают барий, здесь их просвечивают, а потом они бегут на двор».

— А почему на двор? — удивился я.

— Так в туалет,— пояснил главврач,— это же элементарно.

— И зимой?

— Ну а что ж им, до весны, что ли, терпеть? — захохотал главврач и, широким жестом отодвинув занавеску, произнес: — Прошу к столу!

Мы оказались в операционной. Шла операция по удалению аппендикса. Двое санитаров держали больного за руки, один — за ноги, а врач, по-видимому, анестезиолог, зажимал ему рот салфеткой и кричал:

— Да не кусайся ты, сволочь!

— Заморозку опять не завезли,— пояснил главврач.

Я оторопел:

— Как?! Вы оперируете без наркоза?

— Ну почему,— сказал главврач,— бутылку-то он принял.

— Спирта?

— Нет, бормотухи.

Я не знал, что такое «бормотуха», но больной явно не бормотал, он орал, причем благим матом.

— Ну вот, здесь у нас потише,— сказал главврач, вводя меня в палату с табличкой «Вторая психиатрия».

В палате на четверых помещалось человек пятнадцать. Каждый был занят своим делом. Один сидел по пояс в тумбочке со снятой крышкой, воображая себя бюстом, и, не переставая, твердил: «Есть такая партия». Другой читал брошюру «О материализме и эмпириокритицизме», время от времени вскрикивая: "Во где дурдом-то!" Третий, увидев нас, закричал: «Брежнев капут!» Остальные умалишенные играли в карты и производили впечатление вполне нормальных людей. Правда, один из них, когда главврач оказался рядом, попытался, задрав по-собачьи ногу, помочиться ему на брюки.

— Я тебе не прокурор! — закричал главврач.— Я тебя живо в каталажку упеку. Вот придурки,— сказал он, выходя из палаты.

— Ну, что вы,— сказал я,— просто больные люди.

— Какие больные,— закричал главврач,— они от ОБХСС прячутся!

— А тех, кто взаправду болен, чем вы лечите? — поинтересовался я.

— Голодом,— сказал главврач,— по моей методике.

— В чем же ее суть?

— Жрать не даем, вот и вся суть. Действует безотказно. Ну, ты видишь, в каких условиях мы работаем? — произнес он, когда мы прошли в его кабинет.— Скажи, можно на все это трезвыми глазами смотреть? — И он трясущимися руками стал разливать по треснувшим чашкам с отбитыми ручками содержимое флакона с надписью «Физиологический раствор».

— Спирт,— сказал он,— протирочный.

— А чем же вы протираете инструмент?

— А чего его протирать, когда его у нас нет.

— Но хоть шприцы-то одноразовые у вас есть?

— А как же,— сказал главврач,— у нас тут все одноразовое. Раз уколешь — и либо стекло лопнет, либо пол-иглы в заднице. Ну давай,— сказал он,— за деда твоего и за его больницу. Будем!

После второй чашки я так расчувствовался, что подарил больнице заветную кружку Эсмарха.

— Вот это емкость! — воскликнул главврач.— А то что мы с тобой все из чашечек, как карлики.

После третьей я пообещал пожертвовать на восстановление больницы миллион.

— Годится! — сказал главврач.— И еще хорошо бы хоть парочку банок селедки. Надоело перловкой закусывать.

Ночь я провел на топчане в процедурном, поближе к туалету. А наутро отправился в наш особняк и объявил властям о своем решении. Председатель исполкома пожал мне руку и сказал, что он должен это кое с кем обсудить. Через пять минут он вернулся

и сообщил, что помощь мою они принять не могут по идеологическим соображениям. А если я все-таки хочу ее оказать, то мне сначала придется вступить в Компартию Канады. Я наотрез отказался. Тогда он почесал в затылке и сказал: «Ну, хорошо, сто долларов наличными, и я ваш миллион пристрою». Я дал тысячу, и он свое слово сдержал. Деньги на благоустройство больницы были приняты.

Через год я снова приехал в Россию и сразу же увидел результаты перестройки. Поселку было возвращено его историческое название, но поскольку он к тому времени стал уже городом, то назывался теперь Большедрынск. Прошлогодний референт стал теперь вторым секретарем. Получив свою пачку «Мальборо», он рассказал, что скинуть первого удалось только благодаря мне. Тот пытался на мой миллион переоборудовать ликеро-водочный завод в завод по производству безалкогольного портвейна. Но проблему удалось решить гораздо проще: не меняя технологии, завод стал производить жидкость для борьбы с тараканами.

Едва подъехав к больнице, я заметил первое изменение — новый глухой забор и вывеску на воротах «Первая клиническая больница имени Кржижановского».

— Кто это? — спросил я.

— А хрен его знает,— сказал шофер,— наверное, первый человек, который из этой больницы живым вышел. А вообще-то у нас в области, если не знают, как назвать, всегда называют «имени Кржижановского».

Во дворе больницы стояла скульптура «Лаокоон». Среди детей Лаокоона я углядел памятник Ленину. Складывалось впечатление, что один из сыновей отнимает у Ленина его любимую кепку. На крыльце стоял опухший главврач. Увидев меня, он воскликнул: «О! Кого я вижу! Оказывается, вы с братом близнецы!» — и крепко обнял колонну.

Ремонт был почти закончен, но в коридоре по-прежнему стояли кровати, на которых больные лежали валетом, причем кое-где мужчины вместе с женщинами.

— Что это значит? — изумился я.

— А что я могу сделать,— сказал главврач,— если их неравное количество.

— Но почему так много больных? У вас что, эпидемия?

— Ну да,— сказал главврач.— Лигачев с пьянством борется, вот народ и лихорадит. Кто денатуратом, кто политурой, а вот этот уже здесь первачом отравился. По ночам из мази Вишневского гнал.

На одной из кроватей вновь лежал все тот же тип с перевязанной головой. Я возмутился:

— Что ж такое! В прошлый раз он лежал в сапогах, теперь — в валенках. Я не понимаю!

— Чего ж тут не понять? То осень была, а теперь зима.

В лаборатории все те же женщины пристально рассматривали обнаженного негра.

— Нашли? — спросил главврач.

— Пока нет,— не отрываясь, ответила одна.

— Что они ищут? — поинтересовался я.

— СПИД,— ответил главврач.— Хотим исследование провести, чтобы объяснить населению, как он выглядит. Найдем. Негра было найти труднее.

Я начал закипать.

— А в операционной что-нибудь изменилось?

— Все,— ответил главврач,— там изменилось все. Операционную мы вообще закрыли.

— То есть как? Почему?

— Так я же вам объяснял. Наркоз у нас теперь только по талонам.

Это окончательно вывело меня из себя, и я стал кричать, что все это форменное безобразие. Тут из психиатрической палаты выглянул человек в огромной кепке и сказал: «Зачем кричишь, дорогой? Ты что, сумасшедший? Заходи, гостем будешь». В палате восемь человек в таких же кепках пили коньяк из медицинских банок. Из стоявшего на тумбочке стерилизатора пахло шашлыком.

— Что это такое? — поразился я.

— Арендаторы,— сказал главврач,— с Кавказа. На рынок приехали, а мест в гостинице нет.

— Вам не кажется, что вы сошли с ума? — спросил я.

— Кто, я? — удивился главврач.— Да вы что! Они мне всю больницу овощами и фруктами обеспечивают.

— Вот что, уважаемый,— сказал я, как только мы вошли в его кабинет,— потрудитесь немедленно объяснить, на что потрачен мой миллион. Где оборудование? Где...

— Вот! — сказал главврач.— Вот! Холодильник купили. Спирт в нем держим.

— Зачем? Зачем спирт держать в холодильнике?!

— А чтоб холодненький был.

— А остальные средства?

— А остальные вложены в капитальное строительство... Вот, прошу! — Он подвел меня к окну, и я увидел в роще на берегу реки аккуратные новые коттеджи.

— Это что же — для больных?

— А что ж они, здоровые? — ответил главврач.— Председатель исполкома вчера осетриной отравился, у завпищеторгом мания преследования, первый секретарь впервые прочел Маркса и запил...

— Все,— сказал я,— разливай. Хоть от холодильника польза будет.

Я понял, что деньги этим людям доверять нельзя. Но я не сдался. Я выписал из-за границы все: от австрийских гвоздей до рентгеновского кабинета фирмы «Симменс», от югославских строителей до финской мебели и японских больничных пижам. Я научился давать взятки и пить с нужными людьми. Я сменил главного врача и лично набрал весь медперсонал. И через год больница приняла пациентов. Это обошлось мне в полтора миллиона канадских долларов и семь вагонов Смирновской водки. Все называли меня чокнутым, но я ее все-таки открыл!

Летом девяностого года я вновь приехал в Россию с женой и детьми, чтобы показать сыновьям, что в мире есть дело, которое они обязаны продолжать, где бы ни жили. На аэродроме нас встречал мой давний знакомец — референт, ставший не только первым секретарем, но и председателем горсовета. Он угостил меня «Мальборо» и пригласил заходить в наш особняк запросто, без церемоний.

К больнице вела асфальтированная дорога. На арке ворот красовалась вывеска «Совместное советско-канадское предприятие ИНТЕРДРЫН». Двор был заполнен «Жигулями», «Волгами», и «мерседесами». Бывший морг именовался теперь кооперативом «Финиш». Исчез даже памятник вождю вместе с Лаокооном. На их месте журчал фонтан «Писающий амур». За спиной у амура белели крылышки, в одной руке он сжимал лук, а в другой — стрелы и кепку. С парадного крыльца нам навстречу шел генеральный директор совместного предприятия с хлебом-солью и лицом бывшего первого секретаря.

Больничные коридоры были устланы коврами, а в зимнем саду щебетали канарейки и зеленый попугайчик то и дело выкрикивал: «Попка — дурак, Горбачев — молодец». Нам показали массажный кабинет, финскую баню, тренажеры и зал игральных автоматов. Особенно поразили меня палаты. Они были теперь зачем-то объединены попарно.

— Ну как же,— сказал директор,— ведь раньше здесь лежали только с язвами и гастритами. А теперь — с женами и подругами.

Я начал понимать, что случилось непоправимое.

На психиатрической палате отливала золотом табличка «Врач-психотерапевт Кашмак. Анурез и бесплодие — с первого взгляда». И рядом — от руки: «Без валюты просьба не беспокоить».

В рентгеновском кабинете фирмы «Симменс» сидели одновременно человек тридцать и смотрели сексвидеофильм.

— Лечебный сеанс,— пояснил директор.

— И от чего здесь лечат?

— От импотенции.

— А где же рентгеновский аппарат стоимостью пятьдесят тысяч долларов? — теряя самообладание, спросил я.

— В подвале,— сказал генеральный директор.— Там же темнее.

— Но ведь защита от излучения здесь! В этих стенах десять тонн свинца!

— Дорогой вы наш,— успокоил меня генеральный,— не волнуйтесь. Весь ваш свинец через кооператив на грузила пошел.

От всего этого у меня закружилась голова. Я подошел к раскрытому окну и увидел сборную города по футболу, тренирующуюся в японских больничных пижамах.

Я был сломлен, раздавлен. Но окончательно доконал меня бывший главврач, который стоял в нашей бывшей столовой за стойкой кооперативного бара.

— Как же вы могли! Ведь вы же врач,— сказал я после первой рюмки.— Вы же клятву давали!

— В гробу я видал вашего Гиппократа вместе с его клятвой. Да ваш Гиппократ у нас в стране через год бы спился.

— Пожалуй,— сказал я,— а вот вас я впервые вижу трезвым.

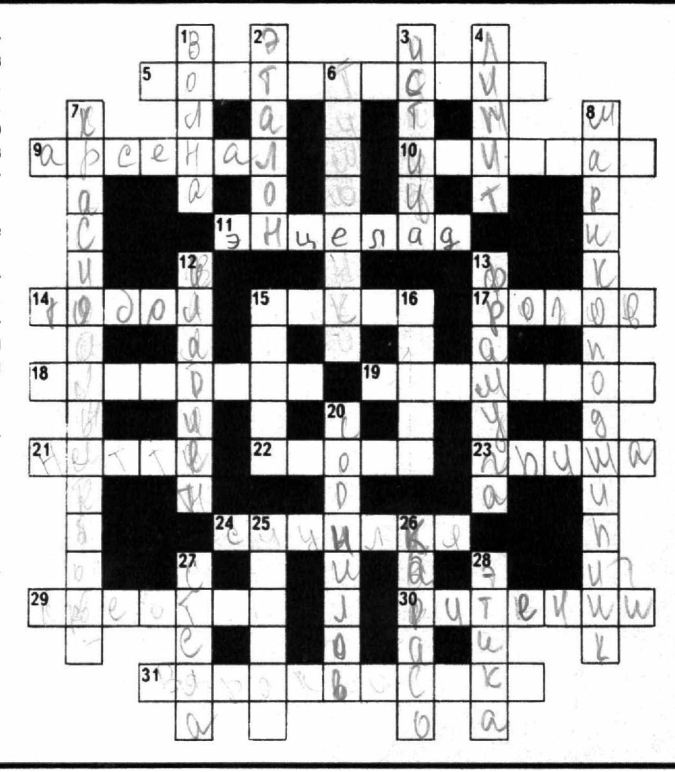
— Милый,— сказал он,— кто же за такие бабки напиваться станет! — Он, как всегда, был логичен.

А я в тот вечер напился, как говорят у вас, в укатуху. И очнулся уже в вытрезвителе. Говорят, меня взяли в подвале, где я крушил аппарат фирмы «Симменс» и кричал: «Я тебя породил, я тебя и убью!»

Да, прав был Тютчев, говоря: «Умом Россию не понять». Но если не умом, то чем же? Знаток с соседней койки считает, что только нутром. Коли так, то я Россию понимаю. Ох, как понимаю. Нутро горит. А залить нечем.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Русский писатель. 9. Опера Г. И. Майбороды. 10. Город в Башкирии. 11. Спутник Сатурна. 14. Приток Иртыша. 15. Плод одного из видов пальм. 17. Советский драматург. 18. Река в Австралии. 19. Филолог, редактор академического «Словаря русского языка» 1891—1916 годов. 21. Советский спортсмен, тренер, чемпион Олимпийских игр и Европы по футболу. 22. Ледяная глыба в водоеме. 23. Фруктовое дерево. 24. Остров в Средиземном море. 29. Съедобный морской моллюск. 30. Химический элемент, металл. 31. Певчая птица семейства дроздовых.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Водяной вал. 2. Образцовая мера. 3. Верное отражение объективной действительности в сознании человека. 4. Предельная норма. 6. Маршал Советского Союза, командовавший фронтом в Великую Отечественную войну. 7. Город в Крымской области. 8. Часть опоры вала или оси. 12. Духовой музыкальный инструмент. 13. Верхняя створка окна. 15. Скульптор, автор конных групп на Аничковом мосту в Ленинграде. 16. Демонстрация фильма, показ моделей в определенный промежуток времени. 20. Русский генерал от кавалерии, отличившийся в первой мировой войне. 25. Биохимик, академик, Герой Социалистического Труда. 26. Рыба семейства карповых. 27. Массивная колонна. 28. Философская дисциплина, изучающая мораль, нравственность.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. «Бесприданница». 8. Эскадрон. 9. Клоунада. 13. Гоген. 14. Батисфера. 15. Яншин. 18. Номинал. 21. Вороток. 22. Ледокол. 23. Пульверизатор. 26. Анадырь. 27. Центавр. 28. Манекен. 31. Лимон. 32. Бадминтон. 33. Индий. 36. Метафора. 37. Егоровна. 38. Консерватория.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Ренар. 2. «Спартак». 3. Андорра. 4. Сцена. 6. Эссекибо. 7. Одинцова. 10. Водоизмещение. 11. Остроградский. 12. Мировоззрение. 16. Пахмутова. 17. Волгоград. 19. Сервант. 20. «Кобзарь». 24. Бетховен. 25. Апеннины. 29. Задонск. 30. Хоровод. 34. Бажов. 35. Котин.

1 руб. Индекс 70663